

**ВОЛШЕБНАЯ КАЛОША,
ИЛИ НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАДИМА СМИРНОВА, ЕГО
ЛУЧШЕГО ДРУГА ПАШИ КАШКИНА И 33 НЕВИДИМОК ИЗ 117 ШКОЛЫ**

**Часть I
Старик с зелёной бородой**

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
которая обычно служит прологом и в которой рассказывается, как автор
познакомился с Вадимом Смирновым**

По соседству со мной живёт старый учитель Анатолий Петрович.

Да вы его, наверное, знаете: он худощавый, высокий, а под носом у него воинственно торчат красивые черные усы. Конечно, если присмотреться, то можно заметить, что усы внизу порыжели от дыма. В нём нет недостатка, когда Анатолий Петрович, проверяя тетради, курит свою любимую из темного орехового дерева трубку.

Недавно заглянул я к моему соседу и застал его за странным занятием: он сидел в старом кожаном кресле, как всегда, перед ним лежала высокая стопа тетрадей, но учитель к ним не прикасался. Он откинулся на спинку кресла, очки сползли на кончик носа, за ухом торчал красный карандаш – Анатолий Петрович заразительно хохотал.

– Здравствуйте, Анатолий Петрович, – негромко сказал я.

Смеётся.

– Анатолий Петрович, здравствуйте! – поздоровался я погромче.

Смеётся.

Я пожал плечами и хотел уйти. Но сосед с необыкновенной для его преклонных лет резвостью вскочил, схватил меня за руку и усадил на стул, сунув мне толстую общую тетрадь в коричневой коленкоровой обложке.

А через несколько минут хохотал уже я, а учитель ходил вокруг меня и, потирая руки, спрашивал:

– Ну что?.. Ну как?..

Так автор этой правдивой повести впервые познакомился с дневником Вадима Смирнова, узнал о литературном кружке в 117 школе, которым руководит Анатолий Петрович, и о многом другом.

А через пару дней я постучал в окошко небольшого деревянного дома на окраине города. И пока мама Вадима была занята на кухне, Димка рассказал мне много забавных вещей о том времени, когда он и его лучший друг Паша Кашкин были невидимками...

Домой возвращался я очень довольный: Вадим Смирнов подарил мне на прощание свой дневник, который, как это ни странно, был написан стихами. Может быть, потому, что Вадим занимался в литературном кружке?

Я поднялся к себе на четвёртый этаж, открыл ключом дверь и очень довольный, что вся семья уехала на дачу и, значит, никто не будет мешать, снова и снова перечитал дневник. И тогда мне самому захотелось написать стихи. Надо сказать, что это оказалось делом нелёгким. Я ведь никогда не писал стихов, не занимался, как Вадим Смирнов, в кружке у Анатолия Петровича. Но что делать? Всю ночь просидел я за столом, а утром стихи были готовы. Они, конечно, получились не такими

хорошими, как стихи Димки, но я ведь вам уже объяснил, почему. Вот они, эти стихи:

Под щекою лежат ладони,
И мальчишка во власти снов.
Новой книгой о Волго-Доне
Зачитался Вадим Смирнов.
Над последней вздохнул страницей:
Жаль, что повесть так коротка, –
И внезапно сомкнулись ресницы
У мечтателя-паренька.
И уже по земле пустынной
Расстиляется шёлк садов,
И шагают вперёд машины,
Чуть похожие на слонов.
Где пройдут они – всюду праздник
У рожденных морей и озёр...
Крепко спит пионер-пятиклассник –
Смелый выдумщик, фантазёр.
Спи, мой друг, и светло, и сладко.
Мирный сон твой Отчизна хранит.
В этот час над твоей тетрадкой
Анатолий Петрович сидит.
Спят друзья твои ночью ясной,
И не спит лишь учитель ваш –
Неподвижен в руке его красный,
Очень строгий и очень властный
(И для двоечников опасный!)
Справедливейший карандаш.
Анатолий Петрович читает.
Собрались морщинки у глаз,
И такая улыбка сияет
На лице у него сейчас,
Что невольно и мне, украдкой,
Прочитать захотелось с ним
Сочиненье в твоей тетрадке,
Мирно спящий Смирнов Вадим.

Утром я решил: обо всём, что рассказал мне Димка и о чём прочел я в его дневнике, нужно обязательно написать книгу.

Поэтому всё, что рассказывается дальше, – чистейшая правда. Если не верите – можете спросить у Анатолия Петровича.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой мы впервые встречаем старика с зелёной бородой и с которой, собственно, начинаются приключения наших героев

День был на редкость солнечным, золотым и звонким. Вадиму Смирному он казался каким-то особенным. Не только потому, что была суббота и можно было

гулять до самого вечера, отложив приготовление уроков на завтра. Хотя и это имело, конечно, значение. Таким он казался Димке потому, что сегодня можно вместе с Павлушей Кашкиным отправиться на рыбалку, с ночёвкой, на Горное озеро. Отец Павлуши – слесарь машиностроительного завода – купил недавно «Победу» и собирается её обновить.

Нет, что ни говорите, суббота – очень хороший день.

Шёл Димка по улице, напевая под нос какую-то весёлую песню, и размахивал портфелем. Если ты учишься в пятом классе, то знаешь, каким был этот портфель: ручка у него держалась на волоске, замок заедал, а задняя сторона была потёрта и поцарапана. И это понятно – ведь всю зиму ребята возвращались домой через площадь, на которой стояла огромная – с пятиэтажный дом – ёлка, а рядом с ней – ледяные горки. Ты даже знаешь, что лежало в портфеле – учебники и тетради. Но рядом с ними лежала толстая общая тетрадь в коричневой коленкоровой обложке. На первой странице её было написано:

ДНЕВНИК
ученика 5 «В» класса 117 школы
Вадима Смирнова

Даже Павлуша Кашкин – самый близкий Димкин друг – не знал о существовании этого дневника, а ведь им – и дневнику и Павлуше – суждено сыграть немаловажную роль в нашем повествовании.

На одной из страниц тетради была и сегодняшняя запись:

«Ну и выдумщик же этот Анатолий Петрович! Задал сегодня на занятии литературного кружка задание на лето: написать сочинение «Я – невидимка». Чтобы каждый, значит, представил, будто он невидимка. И потом написал, что стал бы он делать если бы его никто не видел».

Так бы, глаза по сторонам, добрел Димка до самого дома, если бы внимание его не привлек шум в соседнем квартале. Димка бросился туда и увидел тележку. В ней не было ничего особенного, удивительным было другое: тележку никто не вёз, она двигалась сама по себе. От удивления Димка остановился и даже рот раскрыл. Но вот тележка поравнялась с ним и оказалось, что нагружена она тяжёлыми мешками, а толкает её малюсенький – не больше первоклассника ростом – старичок, весьма забавного вида. На голове его торчала надвинутая на самые глаза островерхая папаха из зелёного каракуля, длинная – тоже зелёная – борода тащила по земле. Димке даже показалось, что борода не настоящая, и захотелось дернуть её – для проверки. Зелёные глаза старика смотрели в разные стороны и были круглыми, как у карася. Одет он был более чем странно: в шёлковую рубашку – наполовину красную, наполовину синюю – и широкие шаровары – наполовину чёрные, наполовину оранжевые.

За старичком длинной вереницей тянулись мальчишки и девчонки. Взрослые останавливались и улыбались: «Гляди-ка, какую рекламу придумал цирк!» И никто не догадался, что старичку трудно одному везти такую тяжело нагруженную тележку.

– Дедушка, – сказал тогда Димка, – разрешите, я помогу...

Старичок ничего не ответил, только немного подвинулся, уступая место Димке, и начали они толкать тележку вдвоём.

Час везут. Два – везут. Три – везут.

Уже мальчишки поотстали и на смену им пришли другие – и тоже хохочут, увидев странного старика. Уже кончился город и начались улицы заводского посёлка.

Вот уже и они позади. Дорога шла теперь через лес.

Димка начал волноваться. «Всё пропало, - думал он мрачно. – И рыбалка пропала, и поездка на «Победе», и футбольный матч между дворовыми командами «Синий лопух» и «Волчья лапа», намеченный на сегодня. Разве сможет «Синий лопух» играть без вратаря?».

Старичок точно понял его мысли: он дёрнул себя изо всех сил за бороду – Димка сразу убедился, что она не приклеена, - и остановился.

– Ну, вот и приехали, – сказал он неожиданно густым раскатистым басом.

– До свиданья, дедушка, – обрадовался мальчик. – Я побегу, мне домой нужно.

– Подожди малость, – схватил его за рукав старичок, – я тебя хочу отблагодарить за помощь.

– А меня не надо отблагодаривать.

– Чудак, я тебе хочу подарить какую-нибудь интересную штуковину.

– Зачем мне всякие штуковины. Я ведь вам просто так помогал.

– Неужели ты откажешься даже от моей калоши с правой ноги? – почесал в затылке незнакомец.

– Да зачем мне калоша? – удивился Димка. – У меня своих две, да и то лучше бы их не было!

– Это почему же так?

– Как дождь – мама ругает: «Почему опять не надел калоши?» Будто у меня только и дела, что помнить о калошах.

– Как же быть? – развёл руками старичок. – У меня больше ничего нет, кроме волшебной калоши...

– Ну да, волшебной, - улыбнулся Димка. – Волшебных калош не бывает вовсе.

– Правду тебе говорю. Если снять её с правой ноги, надеть на левую и сказать волшебные слова – через три дня станешь невидимкой, или сделаешь невидимкой кого захочешь.

– Вот здорово! – подпрыгнул вратарь «Синего лопуха». – А какие же это слова?

– Надо сказать так:

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чепурек –
Стань невидим человек!

Вслед за незнакомцем Димка повторил непонятные слова. И хотя он так и не поверил старику, но калошу с правой ноги взял.

– А все-таки волшебников на свете не бывает, – убежденно сказал Димка.

– Что ты говоришь? Неужели? – ответил старик и... превратился в пень.

Димка испуганно оглянулся.

Тележка исчезла. Вместо неё рос зелёный куст. Из него торчали две сухие палки, а вокруг были разбросаны большие камни, издали похожие на мешки.

Мальчику стало страшно. Он поскорее вышел из леса быстрым шагом промчался по улицам посёлка. И только когда выбрался на большой проспект – облегченно вздохнул.

Он шёл по городу, размахивая портфелем. И никто не знал, что в этом самом обыкновенном ученическом портфеле рядом с книгами, тетрадями и «Дневником» лежит удивительная, необыкновенная волшебная калоша.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

весьма короткая, но в ней Димку осеняет гениальная идея

Димка пришёл домой и даже ужинать не стал. Он, завернув калошу в газету, потихоньку вышел из дома. Во дворе уже закончился футбольный матч, команда «Синий лопух», даже без знаменитого вратаря выиграла со счетом двадцать семь – ноль, после чего команда «Волчья лапа» была тут же переименована в «Заячий хвост». Капитан, да и все другие футболисты не согласились с этим, и дружеская встреча дворовых команд закончилась приличной потасовкой.

Весь двор оживлённо обсуждал события сегодняшнего вечера, и Димке едва удалось уединиться. Укромное местечко он нашёл за сараем-дровяником, забрался в узкую нишу, оставшуюся между стеной сарая и забором, выглянул – не следит ли кто – и надел калошу на правую ногу. Через несколько минут она была уже на левой ноге, а Вадим таинственным шёпотом произносил волшебные слова:

Ахалай-махалай,
Крони-брони-чепухай,
Эки-веки-чебурек –
Стань невидим человек!

Сказал он так, завернул калошу в газету и хотел было идти домой, как вдруг пришла ему в голову забавная мысль.

«Что же я один буду невидимкой? Неинтересно даже. Вот превращу-ка я ещё Пашку Кашкина... Нет, лучше весь класс превращу в невидимок! Вот здорово получится! Придёт на урок Анатолий Петрович, все скажут: «Здравствуйте, Анатолий Петрович». А в классе вроде никого нет... Димка! Ты – гений».

Так думал Вадим, а сам тем временем снова надевал калошу на правую ногу.

Через полчаса, захватив с собой рыболовные принадлежности, Димка уже мчался к Павлику.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

в которой улыбается зелёный таймень. А Паша Кашкин разговаривает с привидением

Если вы бывали на Горном озере, то помните, наверное, как круто поднимается вверх дорога. Прижатая с двух сторон серыми известняковыми скалами, она тянется по самой кромке гулкой порожистой реки. Горы, протягивая друг другу руки, сталкивают в воду огромные каменные глыбы, река ворчит, бушует, пена выступает на её злых мелких волнах. Вода пускается на разные хитрости – то медленно подтачивает камни, то, собрав силы, сталкивает валуны с пути, то взбирается на преградившую ей дорогу глыбу и стремглав бросается вниз, вымывает белый известняк да розовый мрамор, и солнечный луч, попавший в плен, вспыхивает то бутылочно-зелёным, то яснозакатным, то золотистым мягким светом.

Что ни говори, а нет на свете земли красивее Сибири! Нужен тебе лес, да не какой-нибудь общипанный да исхоженный, а глухой дикий, чтоб и зверя в нём и птицы вдоволь, – пожалуйста! Решил ты, скажем, по горам полазить, да не по обкатанным да низкорослым, а по таким, как Кавказ или, скажем, Швейцария –

милости просим. В степь тебе захотелось, чтоб широка она, как то море, – и степь найдётся. Реки тебе нужны тихие ли, как Волга, гремящие ли, словно Терек, – и это есть.

...Семнадцать водопадов надо пройти, чтобы добраться до Горного озера, а на машине нужно давать большой крюк.

Три часа петляла между деревьями светло-шоколадная «Победа» Пашиного отца, и мальчишки замирали от восторга. То двигалась им навстречу белоснежная мраморная скала, и закат на ней положил алые и синие полосы, то подступал старый тёмный кедр к окнам машины, и зелёный мох свисал с каждой ветки, точно добрая тысяча бородачей спряталась за деревьями, выставив наружу полуседые зелёные бороды. То снова рядом с дорогой прыгала по камням река, кричала что-то вдогонку машине, словно торопилась рассказать людям о своих бедах. Димка смотрел во все глаза – он был в этих местах впервые.

К озеру подъехали поздним вечером. Подкатали машину к развесистому кусту тальника, разожгли костер, и Пашин отец – Пётр Никанорович – отправился ставить свои мудреные снасти. Мальчишки сидели у огня, размышляли, как бы не проспать зарю, когда лучше всего клюет.

Пётр Никанорович разбудил их чуть свет.

– Эй, омулятники-братишечки, хватит постель давить, надо рыбку ловить.

– Ну вот, – спросонок пробурчал Паша, – воскресенье же!

Но Димка вскочил, растормошил товарища, и тот вспомнил, наконец, что они на рыбалке.

Через полчаса друзья сидели с удочками на порядочном расстоянии друг от друга, подстелив на остывшие за ночь камни ватные телогрейки.

У Димки долго не клевало.

Но вдруг поплавок чуть качнулся, погрузился в воду и ушел вправо. Димка, затаив дыхание, повел вперед леску, подсек и начал тащить добычу. Тащить было тяжело.

– Ясно, – решил Димка, – либо таймень, либо... ещё какая-нибудь рыба.

Но вот на поверхности воды показался темный предмет. Это был сапог, старый изношенный сапог, наполненный камнями.

– Вот так таймень, – смутился рыболов. – Хорошо хоть Паша не видел, а то просмеял бы на весь двор.

Он снова закинул крючок, взглянул на озеро и замер от удивления: высунув толстую голову из воды, огромный зелёный таймень глядел на него круглыми выпуклыми глазами и нахально улыбался. Димка протёр глаза, взглянул на озеро – таймень исчез.

«Почудится же такое человеку», – подумал рыболов и стал наблюдать за поплавком. А поплавок опять задергался.

– Ну, на этот раз уж, конечно, рыба! – Димка дернул удилище. Что-то блестящее взлетело вверх, обдало его водой и крепко стукнуло по голове. На этот раз добычей оказалась консервная банка. Она была привязана к леске, а крючок исчез. Пришлось прикреплять новый.

– Что за чертовщина? – недоумевал неудачливый рыболов.

А на поверхности Горного озера опять показалась ухмыляющаяся голова зелёного тайменя, и Димка долго пытался вспомнить, где они могли видеть друг друга. Вы понимаете, что это было занятием совершенно нелепым. Действительно, где могли видеть друг друга ученик пятого класса Вадим Смирнов и какой-то

нахальный таймень из Горного озера? На соревнованиях по плаванию? Или, может, на футбольном матче?

Больше таймень не показывался, но и улова не было. Попалась только тощая малявка, да и та почему-то была прицеплена хвостом к крючку.

– Что из тебя толку? – спросил у нее Вадим. – Гуляй себе.

И он, осторожно отцепив рыбёшку, снова пустил её в воду.

У Паши, оказывается, дела обстояли не лучше. Он прибежал к машине, запыхавшись, без удочек, перепуганный, и долго не мог произнести ни одного слова.

Я...я... – дрожа, сказал он наконец, – ... видел сейчас привидение...

– Что-то ты, малец-удалец, того ... заливаешь. Рыбак и есть рыбак! – весело вскрикнул Петр Никанорович. – А я уж думал сам хозяин Михайло Потапыч за тобой гнался.

– Нет, правда! – уже спокойней сказал Павел. – Попался мне таймень, огромный, –во! – и он развел руки в стороны до отказа, – во такой...

– Ну-ну, бывает, что и на удочку таймень попадает, – насмешливо вставил Петр Никанорович.

– Сам знаю, что не бывает. А тут попался. Крючок, что ли хотел он откусить.

– Конечно, поди под водой, рыбки-то много, почему бы и тайменю не половить на удочку? Чем, скажите, он хуже вас?

– Все смеешься, батя, а я правду говорю, – обиделся Паша.

– Ладно, ладно, не серчай, я ведь это в шутку.

– Ну вот. Я его тяну к себе, а он меня – к себе. Я его к берегу, а он меня в воду. Нет, думаю, я тебя все одно вытащу! И тут из воды старик страшный такой вылезает. Весь зелёный. И борода, словно тот мох, зелёная, и волосы на голове. Глазищи большие да круглые, рыбы. Подбирается он к тайменю и, значит, вытаскивает его голову из воды, снимает с крючка и пускает моего тайменя в воду. Я разозлился и кричу ему: ты, говорю, зачем мою рыбину берешь?! А он как засмеется, нырнет в воду, опять покажется и все смеется. Страшно мне стало. Я бегом, а он мне вслед язык показывает.

– Ну и мастер ты сказки сказывать. Привидение, стало быть, виновато, что ты рыбы не наловил. Ну, ладно уж, чудачки-рыбаки, садитесь, есть будем.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой Димка убеждается, что Зелёнобородый его обманул, и приводится первая страница из «Дневника»

Прошло три дня. Во вторник утром Димка проснулся, предчувствуя интересные события.

«Пожалуй, я уже невидимка», – подумал он, потягиваясь.

Это нужно было проверить, и немедленно. Вадим – раз, два – оделся, раз, два – помылся и выскочил во двор. Часть команды «Синий лопух» – те, кто учится во вторую смену, – тренировалась: скоро решающий матч с командой «Ураган», самой сильной в Прибайкальске.

– Димка! – закричали ребята, завидев своего вратаря. – Давай сюда. Пстой маленько в воротах.

И Димка понял, что Зелёнобородый его обманул и никакой он не волшебник. И калоша – тоже обман.

После тренировки, позавтракав, Димка сел за приготовление уроков. Перед

обедом за ним забежал Кашкин, они отправились в школу. Они шли, говорили о своих делах, ещё не зная, что день этот войдёт в историю и о нём напишут когда-нибудь книги, а может быть, даже и песни. Кто знает. Но я опять забежал вперёд. Лучше уж по порядку.

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница первая

Сегодня у нас изложение.
Достав из портфеля тетрадь,
Задумался я на мгновение –
Хотел заголовок писать.
И вдруг в удивлении замер,
Соседа толкнул: «Разбуди!» –
Я видел своими глазами:
Растаял сосед впереди.
А мне отвечает Павлуша:
«Ну, что ты волнуешься, брат,
И сам ты растаял, лишь уши
Покуда над партой торчат».
Он шепчет: «Послушай-ка, Димка,
У всех – лишь глаза да носы,
Учитель – и тот невидимка:
Уже исчезают усы!»
Весь класс постепенно растаял.
Чуть видим друг друга. И вот
Весёлая шумная стая
Выходит из школьных ворот.
Над городом сизая дымка,
Гудки заводские поют.
Идут тридцать три невидимки,
По улицам шумным идут.
Нас ждёт приключений немало,
На дальнем и трудном пути:
Нам встретятся грозные шквалы,
Пути преградят нам обвалы,
Которые трудно пройти.
И море нас встретит, и суша,
Речное прохладное дно...
А мы (с невидимкой Павлушей)
Отправились прямо... в кино.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой рассказывается о необыкновенном футбольном матче между
командами «Синий лопух» и «Ураган»

Уже у самого кинотеатра «Заря» Димка вспомнил, что на сегодня назначен финальный матч между двумя лучшими дворовыми командами города: командой «Ураган», чемпионом прошлого года, и командой «Синий лопух», созданной совсем недавно. И мальчишки помчались домой.

Во дворе стоял шум необычайный. Вокруг спортивной площадки собралась толпа. Взрослые, кто в этот час был свободен от работы, принесли стулья, девчонки подстелили на землю газеты, чтобы не испачкать платья. А мальчишки уселись верхом на портфели и просто на землю. Болельщики были готовы. Не готова была только команда «Синий лопух» – не было вратаря. Капитан команды Сеня Тузиков в волнении ходил по полю, запасной вратарь Колька Федосеев менялся с кем-то майкой, чтобы быть в форме. Остальные члены команды сидели у ворот. Разминка уже кончилась.

– Сеня! – еще от калитки закричал Димка. – Я здесь!

– Димка! – радостно вскрикнули ребята. – Давай сюда, Димка!

– Эй, Димка, где ты? – кричал Сеня Тузиков.

– Да, здесь я, ребята, не видите, что ли? В воротах же я стою.

– Слушай! – возмутился Тузиков. – Хватит прикидываться! Или становись в ворота, или без тебя обойдемся!

– Я же здесь, – Димка схватил Сеня за руку, – здесь, на поле.

– Ты, что ли, меня за руку схватил? – спросил Тузиков у Коли.

– Нет. А что?

– А то, что хватит этого задавалу ждать. Спрятался куда-то. Думает, что без него не сыграют. Ещё как сыграем. Становись, Никола, в ворота.

И Димка понял, что дела его плохи. Сознаться в том, что он стал невидимкой, ему не хотелось: пусть пока всё останется тайной. И команде хотелось помочь. И тогда он решил....

Впрочем, нет. Решить он ничего не успел. Судья дал свисток, и началась игра. В первые же минуты у ворот команды «Синий лопух» создалось напряжённое положение. Ребята, расстроенные странным поведением Димки, играли поначалу растерянно, вяло, и кто-то из них задел рукой мяч. Да еще где – на штрафной площадке!

Вы понимаете, что грозит команде в таком случае? Ну, конечно, одиннадцатиметровый! Это уж наверняка гол. Даже вратарь лучшей в Прибайкальске взрослой команды «Энергия» пропускает в таком случае мяч в сетку.

Замерли зрители. Медленно отсчитали шаги, поставили мяч.

Свисток. Удар.

Мяч стремительно летит в ворота.

Гол! – пронесся по двору печальный вздох.

Но что это? Мяч, долетев до линии ворот, остановился, повисел в воздухе, подпрыгнул и, словно от хорошего удара, улетел к центру поля.

Публика сперва оторопела, потом зашумела, как могут шуметь только на стадионе. И хотя дело происходило на дворовой площадке, и здесь нашлись такие, что закричали во весь голос: «Судью на мыло!» Хоть судья, как вы сами понимаете, был тут ни при чём. Другие ещё что-то кричали. А растерянные футболисты «Урагана» неожиданно пропустили гол. И снова стадион шумел, и снова требовали передать судью мыловаренной промышленности. Счёт матча был открыт.

Во втором тайме счёт был все тот же: один – ноль в пользу «Синего лопуха». Игра была напряженной. У ворот «Синего лопуха» часто создавались острые

моменты. И вот капитан команды «Ураган» – он играл на правом краю – красивой пасовкой передает мяч центру нападения. Тот опережает защитника и ведёт мяч к воротам. Левый край тоже вышел вперёд. Положение тяжёлое. И вдруг центр нападения валится на землю, неловко оттолкнув от себя мяч, рядом с ним падает второй игрок «Урагана».

– Ты что своим подножки подставляешь? «Лопуху» подыгрываешь?

– Да ты что? Сам мне подставил, а теперь ещё...

– Врёшь это ты...

– Сам ты врешь! А я не привык своих подводить.

И пока игроки спорили между собой, мяч был уже в центре поля. Опасное положение было ликвидировано.

До конца игры оставались считанные минуты. А счёт не менялся. Но вот один из игроков «Урагана» ударил по воротам. Мяч вернулся от ворот назад, покружил, повертелся у ног капитана. Тот замахнулся, но нога прошла мимо мяча – в последнюю секунду он отскочил и медленно покатился в сторону ворот «Урагана». К мячу бросились два игрока, но противники стукнулись лбами, а мяч снова бежал к воротам. Вратарь подскочил к мячу, чтобы схватить его. Но мяч вышел из подчинения! Он легко обогнул вратаря и торжественно, медленно вкатился в ворота.

В тот же момент раздался свисток. Игра окончена.

Зрители бушевали.

Но Димка с Пашей уже не слушали ни восторженных возгласов, ни удивленных разговоров. Они сделали своё дело. Теперь можно было идти в кино.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой рассказывается, что очень хлопотно быть невидимкой, и приводится вторая страница «Дневника»

Футбольное состязание показало друзьям, что быть невидимкой не так уж плохо. Вот и сейчас у кинотеатра они замедлили шаги и с удовольствием наблюдали за толпой, которая понапрасну толкалась у кассы – сверху чёрным по белому было написано: «На сегодня все билеты проданы». Но героев наших мало волновали отсутствие билетов – словно лёгкие тени, проскользнули они мимо контролёров, вошли в фойе, где ещё было пока пусто, так как сеанс должен был начаться нескоро, и сели на стулья у стены. Прямо перед их глазами висели портреты киноактёров. Павлуша вот уже два года собирал открытки с фотографиями героев фильмов, и мальчишки начали отгадывать фамилии актёров и в каких фильмах они играют.

Друзья так увлеклись, что даже подошли поближе, чтобы лучше рассмотреть фотографии.

И в тот самый момент, когда между ними возник спор: похож один из артистов на Анатолия Петровича или не похож, оба вдруг очутились на паркетном полу. Димка откатился к стене, а Паша плюхнулся посреди фойе. Зашиблись основательно. С трудом поднявшись, – сперва на четвереньки, потом на ноги, они увидели причину своего несчастья. Эта причина, в виде весьма упитанного человека средних лет, забавно присев на корточки, шарила по воздуху руками. Вероятно, администратор кинотеатра, а это был он, разыскивал неожиданное препятствие, на которое наткнулся, торопясь в кабинет. Ничего не обнаружив в воздухе, он провёл рукой по полу, вытер руку о платок, а затем, всё ещё недоумевая, провёл этим платком по вспотевшему лицу. На лице остались чёрные полосы, но администратор не заметил

этого. Он величественно зашагал в кабинет. Другьям было и больно и смешно. Пожалуй, больше смешно, чем больно. И Паша захохотал во весь голос.

Администратор оглянулся, недоуменно пожал плечами – он опять ничего не видел – и пощупал лоб, покрытый холодным потом. Оставшиеся метры он шёл медленно, непрерывно оглядываясь. Мальчишки зажимали рты ладонями.

В последний раз оглянувшись, администратор скрылся за дверью.

Фойе постепенно заполнялось публикой. Наученные горьким опытом, мальчишки держались теперь подальше от людей. Они забились в угол за киоском с газированной водой и до самого начала сеанса рассуждали о том, что есть в их положении много неудобств.

Сеанс начался. Наши друзья подождали, пока все усядутся, и заняли два свободных места в девятом ряду.

Посидеть им так и не удалось. В тот самый момент, когда на экране по новгородскому базару прошёл Садко, весело разговаривая с людьми, по тёмному залу с фонариком прошёл билетёр, а за ним молодой человек и девушка. Билетёр указал им место. Димка досадливо отмахнулся, когда мимо него прошёл, протискиваясь к своему месту человек. Но паренек – он шёл следом – и не думал двигаться дальше. Он сел прямо на колени Димке, рядом во весь голос завизжал Паша. Молодые люди вскочили, внимательно посмотрели на места, пощупали их и... очень осторожно сели. Зрители в девятом и десятом рядах возмущались ещё минут пять, в зале стоял ропот и шум. Наконец все успокоилось.

Друзьям снова пришлось стоять. Только уже к самому концу фильма им удалось устроиться на крайних местах седьмого ряда, и они забыли все огорчения.

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница двенадцатая

Сидела как-то раз в кино
Седельникова Ната.
Внезапно слышит: за спиной
Беседуют ребята.
Там спор идёт предлинный
По поводу картины.
«Болтают целый час подряд,
Мешают, вот какие!»
Взглянула девочка назад...
А там ... места пустые.
«Нет никого на стульях тут, –
Наташа улыбнулась, –
Нет никого на стульях тут,
Откуда ж голоса идут?»
Сидела смирно пять минут
И снова оглянулась.
А на экране лёгкий струг
Садко
Волна топила,

Но о киноэкране вдруг
Наташа позабыла.
Назад во все глаза глядит –
И что за наважденье –
Никто на стульях не сидит,
А движутся сиденья.
И вдруг воскликнул стулу стул:
– Садко, гляди, на дно нырнул!
Ему ответил стул второй:
– Эх, хорошо б, Павлуша,
Поездить бы и нам с тобой
По морю и по суше.
А девочка поражена:
«У стульев тоже имена?»
И говорит она:
– Друзья,
Вы ж – стулья, вы – предметы,
Вам путешествовать нельзя,
Нельзя бродить по свету.
Ведь если стулья из кино
Отправятся в дорогу –
С билетом люди всё равно
Кино смотреть не смогут.
Раздался хохот. В тот же миг
Задвигались сиденья.
Глядела девочка на них
В большом недоуменье.
– Ну, отчего вам так смешно?
– Да мы не стулья, слушай!
Вы догадались?
То в кино
Сидели мы с Павлушей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой родители получают странные письма

Надежда Степановна – мама Вадима – начала уже волноваться: десятый час, а сын еще не пообедал, не возвращался из школы. Это было настолько непохоже на Димку всегда такого аккуратного, что она не знала, что и думать. То казалось ей, что с сыном произошло несчастье, и она готова была бежать в милицию. То успокаивала себя: Димка, вероятно, засиделся на своём литературном кружке, и она мысленно начинала ругать учителя, который так поздно задерживает детей. Наконец Надежда Степановна не выдержала и отправилась в школу.

Несмотря на поздний час в школе было много народу. У всех были почему-то печальные лица. Мамаши и папаши – многих из них Надежда Степановна знала, встречаясь с ними на родительских собраниях, – толпились у дверей кабинета директора, женщины всхлипывали, мужчины гулко сморкались. Ещё не зная ничего, ничего пока не понимая, Надежда Степановна почувствовала, как беспокойство и

смутная тревога проникают в сердце.

Из кабинета вышел какой-то очень знакомый человек. Но кто именно, Надежда Степановна не могла вспомнить.

– Да, друзья мои, – сказал он голосом Анатолия Петровича. – Возьмите себя в руки! Положение, не буду скрывать, весьма и весьма тяжёлое. Случилось нечто необычное, и причина происшедшего нам пока не ясна. Я попрошу вас не волноваться, если расскажу вам сейчас совершенно неправдоподобные вещи...

Такое предисловие не обещало ничего хорошего. Все затихли. Было слышно в тишине, как всхлипнула чья-то мама.

А Надежда Степановна вдруг поняла, что человек этот и есть сам Анатолий Петрович, но...только без усов. Однако думать о причинах таких изменений во внешности учителя было недосуг, потому что то, о чём говорил сейчас Анатолий Петрович, казалось похожим на сказку и было бы очень забавным, если б не было таким печальным:

– Да-да, – говорил учитель, – все, как один! Мы уже сообщили в милицию, чтобы тех из них, которых удастся обнаружить по каким-либо странным на первый взгляд происшествиям, направляли бы к нам.

– А я-то, – всхлипывала одна из родительниц, – целый день слышала голос моего Митеньки, да не отвечала... Всё думала, что мне кажется. Ещё мужу пожаловалась. А это был, оказывается, он, Митенька...

И она заплакала ещё сильнее.

– Ничего, – успокаивал её Анатолий Петрович, – Мы кое с кем посоветуемся. Примем всяческие меры. Звоните нам каждый день.

Домой Надежда Степановна вернулась окончательно расстроенная. Она приседа к столу и опустила голову.

И тут взгляд её упал на лист бумаги, на который раньше она не обратила внимания. Надежда Степановна отодвинула сухарницу, прижимавшую листок к столу, и увидела, что бумага написана рукою Димки.

«Дорогая мама, мы теперь стали невидимками. Это мне такую калошу подарил Зелёнобородый волшебник. Ты меня не теряй. Вместе с Пашей мы отправляемся в далёкое путешествие. Крепко целую тебя. Из Москвы напишу письмо. Твой Димка».

Надежда Степановна огорченно всплеснула руками. Потом подумала вдруг, что мама Павлика ничего, наверное, не знает. «Да, да, – говорила она самой себе. – Она ведь тоже волнуется!»

Раздался стук, и дверь распахнулась. На пороге стояла мама Паши Кашкина.

– Надя! – закричала она с порога. – Они уехали в Москву!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой Иван Спиридонович подаёт сам на себя заявление

Если вы когда-либо бывали на вокзале в городе Прибайкальске, то вы наверняка слышали Ивана Спиридоновича. Я говорю, слышали, потому что Иван Спиридонович до самого последнего времени работал на вокзале, объявляя по радио о прибытии и отходе поездов, рассказывал пассажирам, где найти буфет, камеру хранения или выход в город, требовал от проводников открыть рабочие тамбуры. Совсем недавно Иван Спиридонович ушёл на пенсию. Произошло это после одного весьма странного случая, о котором долго говорили прибайкальские железнодорожники. Сам Иван

Спиридонович отмалчивался, хотя и был главным участником этих событий.

Дело было так. На вокзале наступило затишье. Поезда ушли по расписанию, до отхода скорого «Владивосток – Москва» было ещё минут двадцать, и Иван Спиридонович решил выпить стакан чаю. Он налил в стакан кипятка, бросил щепотку заварки и стал помешивать чай ложечкой.

В это время со скрипом отворилась и захлопнулась дверь.

«Кто бы это мог быть?» – подумал Иван Спиридонович, подходя к двери. В коридоре никого не было. Старичок пожал плечами и вернулся к столу. Но едва он сел на стул, за спиной щелкнул микрофон и звонкий мальчишеский голос произнес:

– Внимание, внимание! Паша Кашкин, ты почему ушёл с условленного места? Я тебя жду уже полчаса.

Иван Спиридонович почему-то протёр очки, недоуменно огляделся, потом изо всех сил ущипнул себя за ногу. От боли он подпрыгнул, зато убедился, что не спит.

Старичок, дрожа, подошёл к микрофону, пошарил у стула. В это время опять скрипнула дверь, открылась и снова закрылась.

В комнате никого не было.

«Что-то со мной неладное происходит, – думал Иван Спиридонович, – надо сходить к врачу».

Назавтра он зашёл в железнодорожную поликлинику, но врач признал старика совершенно здоровым.

Тогда Иван Спиридонович отправился к начальнику вокзала, подал рапорт о случившемся и попросил уволить его по состоянию здоровья.

Начальник вокзала попробовал уговорить старика. Но тот был неумолим.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в которой рассказывается о причинах, заставивших Димку использовать радио

Вы, должно быть, уже догадались, что во всём, о чём рассказывалось выше, виноват Димка. Дело в том, что друзья договорились встретиться на вокзале в полседьмого, чтобы попасть на поезд «Владивосток – Москва». Сбор был назначен под большими часами над вторым подъездом.

Паша пришел минут на десять раньше назначенного срока, нетерпеливо переминался с ноги на ногу, поругивая Димку за опоздание. Но вот он увидел Димку среди людей, только что сошедших с трамвая. Паша бросился навстречу, но в это время прибыл пригородный поезд. Сотни пассажиров ринулись в ворота, помчались к трамваям и автобусам. Подхваченный толпой, Паша вертелся в ней, как волчок, – его ведь никто не видел. Кто-то наступил ему на ноги. Кашкин пытался выбраться, отбежать в сторону, но не тут-то было. Сжатый несколькими дюжими парнями, лезущими без очереди в трамвай, он был втиснут на заднюю площадку и пока пробирался вперед, к выходу, – трамвай тронулся.

Вернулся Паша на вокзал, но Димки на месте не нашел. До отхода поезда оставались считанные минуты. Кашкин прошел на перрон, обошел все залы – Смирнова нигде не было.

«Что же делать? – думал горестно Паша. – Димка ведь жизни не даст, если опоздаем на поезд. А вдруг он не дождался меня и решил ехать один? А что, вполне может быть!».

И Кашкин решил действовать самостоятельно. Он вернулся на перрон, залез в

вагон и тут услышал голос Димки:

– Внимание, внимание!

«Где же он? – удивился Паша. – Неужели мы случайно попали в один вагон? Вот здорово!»

– Паша Кашкин, ты почему ушел с условленного места? Я тебя жду уже полчаса! Теперь Паша понял, что Смирнов говорит по радио.

Он вылез из вагона и отправился к часам.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой герои прячутся под лавки

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница двадцать третья

Мы сели вечером в вагон.
И, набирая ход,
За перегонном перегон
Нас поезд мчал вперед.
Мелькали реки и мосты,
Поля, колхозный сад,
И придорожные кусты
Стремглав неслись назад.
Назад летел и сизый дым,
И дождик проливной.
Казалось, будто мы стоим,
А мчится шар земной.
Неслись берёзы с двух сторон
Назад во весь опор...
Дверь отворилась, и в вагон
Заходит контролёр.
Сейчас он спросил:
– Ваш билет?
К нам подойдёт сейчас.
Увидит, что билетов нет,
И тотчас ссадит нас.
Мы лезем с перепугу
Под лавку друг за другом.
Мы чей-то сдвинули баул.
Задели чьи-то ноги.
Вдруг кто-то вскрикнул:
– Караул!
И поднялась тревога.
Закрыли двери на запор.
– Конец, – дрожит Павлушка.
– Ой, к нам в вагон забрался вор! –
Кричит одна старушка.

– Каков он, бабушка, собой?
– Я видела, ей-богу,
Такой высокий и рябой,
Как ступит мне... на ногу.
Искали «вора» битый час,
Все вещи перерыли.
Сто раз ходили мимо нас,
А нас не находили.
Вдруг засмеялся Паша мой:
– Мы ж позабыли, Димка,
Они ж не видят нас с тобой,
Ведь мы же невидимки!
Огни далёких деревень
Светлеют в синей дымке
И спят, умаявшись за день,
На полке невидимки.
А поезд мчится, за собой
Разматывая вёрсты,
И выются искры над трубой,
Как маленькие звёзды.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Димку одолевают сомнения

Проснулись путешественники от пионерской песни.

Поезд остановился на небольшом полустанке. Глухая тайга подступила к свежевыкрашенному небольшому домику.словно сказочный теремок, стоял он среди тёмно-зелёных елей, и старинный медный колокол у самого входа вздрагивал под порывами ветра, подпевая пионерам.

Их было человек пятьдесят. Над ними гордо плескалось красное знамя. Алые галстуки шевелились и казались языками пламени. Били барабаны, горнили горны. Десять мальчиков и девочек отделились от остальных, отдали салют и начали взбираться по ступеням вагона, того самого, где путешествовали невидимки. И вот – уложены рюкзаки, заняты полки, позади полустанок с оставшимся на перроне пионерским отрядом.

Как хотелось нашим друзьям подсесть к пионерам, расспросить их обо всём, рассказать о своём Прибайкальске. Но всё это было совершенно невозможно. Ну какой же пионер поверит, что существуют на свете зелёнобородые старики, волшебные калоши и невидимки.

А подойти всё же хотелось. И Димка решил.

– Ребята! – сказал он. – Здравствуйте. Это мы с Пашей Кашкиным – невидимки.

Пионеры прервали свои дела, осмотрелись: никого.

– Вы напрасно нас ищите, – вступил в разговор Паша, – мы же рядом с вами, только вы нас не видите. Вот смотрите...

По воздуху поплыл и исчез кусок пирога, лежавший на вагонном столике.

– Теперь вы верите, что есть невидимки?

– Верим, – не совсем уверенно сказали ребята.

– Ну, то-то. А я думал, не поверите. Это всё волшебная калоша. Такая калоша, такая калоша, что всё может. Хочешь невидимкой быть – пожалуйста. Хочешь, ну там по воздуху летать, например, – сделай одолжение.

– Вот ты стань видимым – тогда другое дело. А так можно всякое наговорить! – возмутилась остроносая девочка в очках.

– И стану! Вот вернёмся из кругосветного путешествия – и стану. Я калошу дома оставил, чтоб не потерять.

– Слушайте, друзья, – сказал один из пионеров – тот, что постарше. – Нас кто-то разыгрывает. Но кто?

– Ничего себе разыгрывает! Пирог-то мой тю-тю...

А Димке даже расхотелось разговаривать. Он подумал вдруг о том, что на самом-то деле он не знает, как стать видимым. А ещё он думал, что быть невидимкой – это не очень-то весело. Куда лучше вот так, как ребята с таёжного полустанка, везти в Москву экспонаты на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку или принимать участие в соревнованиях футбольных команд.

Это был самый грустный день за всё время путешествия.

Целыми днями друзья не отходили от окон вагона.

Весь учебник географии прошел перед ними за каких-то пять дней. Горы сменялись степью, тайга смешанным, а затем лиственным лесом. Под колесами поезда текли реки, справа и слева расстилались поля, дорога надвое разрезала большие города, дымили трубы заводов, светились по ночам треугольные терриконы шахт, провожая поезд, махали крыльями ветряки на голых холмах, шли дожди и светило солнце. Дорога приближалась к концу.

Если хоть раз в жизни тебе пришлось приезжать в Москву издалека, ты, наверное, знаешь, что ещё за много километров до столицы люди начинают волноваться. Ещё пять часов дороги впереди, а все уже умыты, одеты во всё самое лучшее. И даже те, кто всю дорогу обрастал бородой и усами, стоят у окон свежесбрившие и поют песни. И все песни о Москве. Кто слов не знает – и тот подпевает. Так уж бывает всегда. Я вот много раз бывал в Москве, и, кажется, пора бы привыкнуть. Ан, нет. Какое-то волнение охватывает тебя, точно жизнь твоя начинается снова, точно ничего ты ещё не видывал на свете, и сейчас перед тобою откроется новое, невиданное.

Такие же чувства были и у наших друзей. Они вглядывались в проплывающие мимо станции со старинными названиями и тоже пели.

Все стали в вагоне взволнованней, строже,
И каждый к окошку приник.
От песен никто удержаться не может,
И даже поёт проводник.
И сердце в груди у тебя замирает,
Сбываются сны наяву.
Скажи мне, товарищ, когда так бывает?
Когда приезжаешь в Москву!

И, кажется, песню запели колеса
И встречные ветры поют,
И, кажется, после каникул под осень
Вернулся ты в школу свою.

Ребята толпою тебя окружают,
Сентябрь разукрасил листву
Скажи мне, товарищ, когда так бывает?
Когда приезжаешь в Москву!

Как будто своею отчизною милой
С вершины любишь ты,
И замерло сердце, и дух захватило
От гордой такой высоты.
Ты видишь, как тундровый сад
зацветает,
В пустынях – воды синеву.
Скажи мне, товарищ, когда так бывает?
Когда приезжаешь в Москву!

Уже Подмосковья сады зеленеют,
Улыбку не сгонишь с лица,
И поезд по рельсам летит веселее,
И песни звенят без конца.
И сердце в груди у тебя замирает,
Сбываются сны наяву.
Скажи мне, товарищ, когда так бывает?
Когда приезжаешь в Москву!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, в которой у друзей рождается план

Окно запотело. Оно стало матовым, а у верхнего края накопились тяжёлые капли. Вот они стали сползать, потекли ручейками, и тогда Димке показалось, что на стекле появился прозрачный портрет. Сползла большая капля – один глаз, другая – второй. Глаза круглые рыбы, борода – за окном как раз бежали деревья – зелёная. Точь-в-точь хозяин волшебной калоши. Вон он подмигнул Димке, точно хотел сказать, что-то. Но в это время прошёл проводник, возвращая пассажирам билеты. Два десятка капель резво побежали сверху вниз и портрет старика исчез. Осталось мокрое стекло с бесформенными матовыми островками.

– Паша, – сказал тогда Димка. – Знаешь что? Как только приедем в Москву, будем искать способ стать видимыми.

– А старичок разве тебе не сказал, как это сделать?

– То-то и оно. Я, понимаешь, сперва ему не поверил. Думал, обманывает.

– Положеньице...

– Это я во всем виноват.

– Ладно, Димка, что об этом толковать. Придумаем что-нибудь.

– А ведь ребята тоже стали невидимками. Им, наверно, ещё хуже нашего. Они ведь даже про Зелёнобородого не знают.

– Не знают, – упавшим голосом подтвердил Кашкин.

– В общем, так, – серьезно сказал Смирнов, – во-первых, пишем письмо домой и Анатолию Петровичу, во-вторых, ищем способ, как стать снова видимыми, ну и,

конечно, – торжественно закончил он, – путешествие продолжается!

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница тридцать четвертая

И вот мы с Пашей на вокзале.

Москва! Москва!

Людской поток.

– Товарищ, нам узнать нельзя
ли?..

Но пешеход уже далёк.

– Скажите, как пройти...

Но снова

В ответ – ответа никакого,

И в третий, и в четвёртый раз

Ответа нет – не видят нас.

Спешат куда-то пешеходы,

Автобус площадью плывёт

И репродуктор возле входа

О чём-то весело поёт.

А нам с Павлушей – не до смеха,

Нам просто хочется реветь:

В Москву за сотни вёрст
приехать –

И вот Москвы не посмотреть.

– Что делать, Димка? Неужели

Вслепую нам бродить вокруг?

И тут мы снова пожалели,

Что невидимки мы.

Но вдруг,

Как будто наши треволенья

Узнав откуда-то, хитро

Смолк репродуктор на мгновенье

И, после музыки и пенья,

Передаются объявленья

Экскурсионного бюро.

– Внимание, граждане пассажиры! Московское областное экскурсионное бюро организует экскурсии по достопримечательным местам столицы. Желающие могут записаться у дежурного экскурсовода.

Весёлое солнце плывёт в синеве

Идут экскурсанты по юной Москве

А следом за ними, в обнимку,

Шагаем и мы – невидимки.

Уже миновали Охотный,

Широким проспектом идём.
И вот перед нами высотный
Недавно построенный дом.
На площади стал великаном
Красив его сказочный вид,
Он, словно кристалл многогранный,
На утреннем солнце блестит.
Он видел с Ордынки и с Пресни
Над тридцать вторым этажом
Ему самолёт в поднебесье
Приветливо машет крылом.
И птицы садятся на плечи
К нему,
Прилетая весной.
А нас
Самолёту навстречу
Несёт уже лифт скоростной.
Проходит минута, вторая
И мы на балконе уже
Стоим в высоте, замирая,
На двадцать восьмом этаже.
Какая чудесная штука
На небо забраться, друзья.
Здесь с облаком каждым за руку
Могу поздороваться я,
У ветра узнать по секрету,
Куда он направил полёт,
И первым встречать на рассвете
Московского солнца восход.
И видеть: от края до края
Легла и вблизи, и вдали
Для каждого сердца родная
Столица советской земли.

ЧАСТЬ II ЛЕТАЮЩАЯ ДЕВОЧКА

ГЛАВА ЧЕТЫРНАЦАТАЯ, в которой начальник Московского управления милиции получает пакет из Прибайкальска

В кабинете Василия Михайловича Логинова никогда не бывает безлюдно. Какие только люди не переступают порог управления милиции! И всех их внимательно выслушивают, записывают жалобы, помогают. Не поладили между собой соседи. Куда идут? – В милицию. Пропала какая-нибудь вещь – тоже. Плохо ведёт себя человек на улице, или, скажем, в трамвае – с ним тоже приходится беседовать, конечно же, в милиции. А сколько героических поступков каждый день совершают

скромные люди в синей форме. Там спасли девочку из пылающего дома, здесь выгнали шалуна, попавшего в прорубь.

Но не только люди приходят в управление милиции. Приходят ежедневно сотни писем. Одно из них лежит сейчас на столе Василия Михайловича. Логинов вскрыл пакет, пробежал глазами письмо и улыбнулся: письмо показалось ему забавным.

– Почитайте-ка да скажите своё мнение, – сказал он сидящему напротив худенькому белокрысому лейтенанту Лёне Фомину.

Лёня взял пакет. На конверте стоял обратный адрес: «Прибайкальское областное управление милиции».

«Наверное, проследили преступника, и нити ведут к Москве, – подумал Фомин. – Ну, здесь ему никуда не уйти!».

Письмо было коротким. Самое важное – подчеркнуто красным карандашом полковника Логинова.

«Неделю назад в прибайкальской школе № 117 произошло странного рода происшествие: тридцать три ученика 5 «В» класса растаяли в воздухе. Исчезновение ребят было настолько неожиданным, странным и стремительным, что никаких предупредительных мер предпринять не удалось. Пока обнаружено в городе только шесть человек из этого класса. Чувствуют они себя хорошо, но они невидимы. Научные учреждения Прибайкальска пытаются установить причины их необыкновенного состояния, но пока к какому-либо выводу не пришли. Школа, родители и все наши отделения приступили к поискам детей. Следы двоих из них ведут в Москву. Поэтому обращаемся к вам с просьбой оказать помощь в поисках этих ребят. Данные о них следующие:

1. Смирнов Вадим, ученик пятого класса, 11 лет, волосы русые, глаза серые, нос прямой, над верхней губой небольшая родинка. Губы припухлые, подбородок выдаётся вперёд.

2. Кашкин Павел, ученик пятого класса, 11 лет. Волосы рыжеватые, глаза светло-карие, на лице веснушки, рот большой, нос чуть вздёрнутый, подбородок круглый.

Прилагаем копии имеющихся у нас материалов по этому делу».

– Знаете, товарищ полковник, – сказал Фомин, – всё это больше похоже на фантастический роман, чем на правду.

– Конечно, – согласился Василий Михайлович, – но разве не похоже любое дело, которое нам приходится распутывать, сперва на загадку? Ведь потом всё кажется очень простым и ясным. Вот почитайте-ка остальные материалы, – и полковник протянул Фомину еще несколько листков. Первый из этих листков был исписан аккуратным мелким мужским почерком.

– «Рассказ учителя Анатолия Петровича Сизых», – прочел Лёня. – В этот день я себя чувствовал плохо. Пришел на занятия и был очень рассеян. Идя на урок в пятый «В» класс, я случайно забыл в учительской очки. Едва я открыл дверь, ребята, как всегда, встали и сказали: «Здравствуйте, Анатолий Петрович!» и снова сели. Но тут мне показалось, что у двух мальчиков – Вадима Смирнова и Павла Кашкина – исчезли лица. Я оглядел класс и почувствовал себя совсем скверно. На моих глазах класс таял. Таял в прямом смысле. Но что более всего меня удивило – это взгляд, которым смотрели некоторые ребята на меня. В их глазах было такое неопишное удивление, что я решил: со мной происходит что-то неладное и поэтому мне кажется, что класс исчезает. И тут я решил надеть очки, но обнаружил, что оставил их в учительской. Пытаясь не выдавать своего волнения, я вышел из класса и направился в учительскую.

Надев очки, я посмотрел в зеркало – и обмер от неожиданности: из зеркала на меня смотрело знакомое, но чужое лицо. Только через несколько минут я понял, в чем дело, – мои усы исчезли. Я пощупал рукой верхнюю губу и ощутил под рукой ... усы. Но в зеркале они не отражались.

Я вернулся в класс, там никого не было, но шум стоял невообразимый. На доске была нарисована какая-то рожица. И тряпка, которую никто не держал, торопливо стирала рисунок. Сами по себе хлопали крышки парт, раздавались чьи-то голоса. Постепенно шум умолк, на партах появились тетради, учебники. И я решил, что у меня бред, что я заболел окончательно.

Наступила перемена. В учительскую вернулись товарищи, но все как-то странно смотрели на меня, точно не узнавая. Наконец молоденькая преподавательница пения взглянула на меня и всплеснула руками.

– Анатолий Петрович! А я вас сразу и не узнала. Где же ваши чудесные усы?

И тут я понял, что я не брежу, а просто в школе происходят какие-то странные вещи. Тогда я пошёл к директору и рассказал ему обо всем случившемся. Вот уже две недели мы предпринимаем всяческие меры, чтобы разыскать ребят, выяснить, в чём же дело, но пока безрезультатно. Вероятно, и сам я не стал невидимкой целиком, а поплатился только усами потому, что вовремя вышел из класса.

А.П. Сизых»

Лёня прочитал остальные бумаги и обратил внимание на одну из них. Она проливали на события хоть некоторый свет. Это была копия письма Вадима Смирнова, оставленного дома. Красным карандашом Василия Михайловича были подчёркнуты слова: «зелёнобородый волшебник», «стали невидимками», «из Москвы напишу письмо».

– Вот что, товарищ Фомин, – сказал полковник, – этим делом займётесь вы. Человек вы молодой, любите романтические дела. Обо всех происшествиях в городе, которые прямо или косвенно могут касаться мальчиков-невидимок, сообщайте мне.

– Слушаюсь! – Лёня встал и вышел из кабинета.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, в которой Маруся Логинова чудесным образом спасается от беды

Днём Маруся с бабушкой всегда гуляли на Тверском бульваре. Сюда приезжала игротка из Дворца пионеров, здесь была зелень, и можно было лепить из песка морковные пирожки. Одно было плохо – бабушка никуда не отпускала от себя Марусю ни на шаг.

– Ты еще маленькая, – говорила бабушка, – тебе всего еще пять лет.

– И вовсе я большая, – говорила Маруся, – мне уже целых пять лет.

И каждая из них, конечно, была по-своему права.

Сегодня бабушка решила, наконец, закончить вязать носки для папы. Такое решение, если уж говорить правду, она принимала каждый раз. Но так хорошо припекало солнышко, так мягко, приятно шумели деревья, что, едва принявшись за работу, бабушка опускала пряжу на колени, прислушивалась к звонким ребячьим голосам, и, почувствовав, как теплые солнечные лучи греют её старые кости, начинала клевать носом.

Так случилось и на этот раз.

А Маруся играла с девочками в пятнашки. Они бегали по дорожке мимо скамеек,

на которых сидели серьезные дяди с газетами в руках и терпеливо кого-то ждали, на которых тети читали книги, покачивая разноцветные колясочки, а взрослые девочки и мальчики спорили о чём-то таком важном, что нельзя было понять ни одного словечка.

И пока малыши бегали и шумели – бабушка спокойно дремала. Но как только прекратились беготня и крики, она сейчас же проснулась и позвала Марусю. Но Маруся не отзывалась.

– Маруся! – кричала бабушка. – Маруся! Идем домой!

Но девочка не отвечала.

«Спряталась, наверное, – думала бабушка. – Ну, сейчас явится».

– Маруся! Я ухожу! Слышишь? У-хо-жу!

Но Маруси не было, и бабушка разволновалась не на шутку. Она спустилась вниз по бульвару до самого памятника Тимирязеву, она заглядывала под скамейки, но безрезультатно. Мужчины были заняты газетами и собственными мыслями, мамы, кроме своих маленьких детей, ни на кого не обращали внимания. Никто не знал, куда делать беленькая кудрявая девочка с красным бантом на голове, в стоптанных сандалиях на босу ногу.

«Неужели, – бабушка даже похолодела от подобной мысли, – неужели Маруся ушла на Пушкинскую площадь?»

И старушка заторопилась вверх по бульвару.

На Пушкинской площади – столпотворение. Остановились автобусы, замерли троллейбусы. Юркие такси и торопливые персональные машины столпились, словно чему-то очень удивлены. На улице собралось множество людей, и бабушке еле удалось пробиться вперёд.

– Ой, беда! Ой, горюшко моё! – повторяла старушка, острыми локтями расталкивая любопытных. – Пустите там, наверное, с моей Марусенькой несчастье...

Наконец она пробралась в первые ряды толпы, окружившей площадь, и действительно увидела Марусю: из одного конца в другой конец площади Маруся летела по воздуху. Бабушка протёрла глаза, почему-то всхлипнула и закричала:

– Маруся, Марусенька, деточка, что с тобой?!

– Бабушка! Бабушка! – испуганно заплакала девочка. Она резко развернулась в воздухе и остановилась поблизости, затем, дрыгая ногами и размахивая руками, опустилась рядом со старушкой.

– Марусенька! Да что же это такое?! – смеялась и плакала бабушка.

Двинулись машины, начали расходиться люди, толкуя между собой о чуде, которое только что довелось им увидеть.

– Деточка, – бабушка взяла Марусю за руку, – ты же могла потерять сандалики!

А что ещё могла сказать в эту минуту ошеломленная старушка?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой каждый по-своему пытается объяснить происшествие

Вы представляете, о чём говорил весь город целый день, целую ночь и ещё следующий день!

На большой перемене в школе ученики расспрашивали учителей.

В очереди в кассу Большого театра знатоки, у которых на всё и всегда готов ответ, передавали подробности.

Городская газета напечатала недоуменный вопрос одного из читателей и

несколько ответов различных учёных.

Один известный медик писал в этой газете, что налицо поразительный случай массового гипноза, когда многочисленной толпе людей показалось, будто девочка летит, а на самом деле она просто шла по площади.

Второй учёный – физик – объяснил это влиянием космических лучей на мозг человека. «Вероятно, сверхмощный поток лучей из мирового пространства пробил атмосферу и коснулся земли как раз в районе Пушкинской площади», – предполагал он.

Писатель, автор многочисленных научно-фантастических романов уверял, что раз может летать птица, то может летать и человек. Для этого необходимы определённые, пока ещё неясные ему условия, когда человек становится вдруг легче воздуха.

Количество писем в газету росло.

Вечерами, убаюкивая малышей, матери полусерьёзно, полуплутиливо спрашивали годовалых бутузов:

– А ты у меня не улетишь?

Какой-то священник проповедовал в церкви, что летающая девочка – доказательство того, что есть на небе бог. И кое-кто ему поверил. Бывают же такие люди, которые верят всякой чепухе.

А в доме у Логиновых – переполох. Собралось десятка два врачей. У Маруси пощупали пульс, измерили температуру, прослушали лёгкие и сердце.

Бабушку в десятый раз заставили рассказать всё, что произошло.

– Задремала я, по слабости, а Маруся-то на площадь прямо, на площадь. Ну, я вижу, нет внучки нигде – и тоже на площадь. А на площади-то столповорот. Миллиён людей и все вверх смотрят. Я глядь, а там Марусенька моя под самыми облаками и летает, и летает. Мне, значит, ручонкой помашет, и летает себе. А потом вдруг и опустилась.

Развели доктора руками, посовещались между собой, прописали девочке полный покой и решили прийти ещё завтра.

До самой ночи бабушка рассказывала соседям о происшествии, каждый раз прибавляя подробности и увеличивая высоту полёта, мама не отходила от Маруси ни на шаг. И лишь Василий Михайлович чему-то улыбался.

Четыре человека в огромном городе знали истинную причину того, что произошло. Но двоим неудобно, а главное некому было об этом рассказывать. Двое других не могли сделать это по служебному положению. До поры до времени они должны были молчать.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ, в которой «гроза переулка» получает по заслугам

Из дневника
Вадима Смирнова
Страница сорок пятая

Строится дом.
Во дворе
На песке
Мальчишка

С пластмассовой формой в руке.
Он тоже строитель,
Он тоже творец –
Он строит красивый
Песчаный дворец.
В нём тысяча окон
И двести дверей.
Живёт в нём
Четыреста богатырей.
Они на охоте,
В лесах,
На горах...
А на малыша
Надвигается враг.
Гроза переулка
Семён Петухов
Драчливей и злее
Чем сто петухов,
Малыш на Семёна
Глядит, не дыша.
А тот подошёл
И толкнул малыша.
Мальчишка ревёт,
А борец-удалец –
Минута ещё –
И разрушит дворец.
Тогда мы с Павлушей подходим.
И вот
Драчун моментально
Упал на живот,
Упал и не может
Понять ничего.
Не видит он,
Кто ж это лупит его?
Собрался народ
И никак не поймёт.
Уж не лихорадка ли
Парня трясёт?
Семён Петухов
Вскочил сгоряча,
Семён Петухов
Задал стрекоча.
Исчез его грозный
Воинственный вид.
За Сеней по воздуху
Шапка летит.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой Лёня Фомин высказывает свои соображения

– Итак?

Этот вопрос задал полковник Логинов, едва Лёня переступил порог его кабинета.

Лёня уселся напротив и раскрыл тонкую коричневую папку, на обложке которой было написано: «Дело о мальчиках-невидимках Вадиме Смирнове и Павле Кашкине из Прибайкальска».

– Итак? – повторил свой вопрос Василий Михайлович.

– Пока не густо, товарищ полковник, – на работе Лёня всегда называл Логинова не иначе, как «товарищ полковник». «Дружба – дружбой, а служба – службой», – любил говаривать он. Лёня вынул из папки бумаги. – Я заинтересовался некоторыми случаями в Москве и вне Москвы. Уж не говорю о происшествии с вашей Марусей – это, несомненно, дело их рук. Но есть ещё несколько различных сообщений о странных случаях, которые не могли обойтись без участия невидимок. Во дворе одного из строящихся домов, например, в Новых Черёмушках, был наказан непонятным образом хулиган Семён Петухов, который обижал малышей.

И Фомин рассказал подробно о случае, который уже вам известен из дневника Вадима Смирнова.

– Самое удивительное, что на хулигана, – улынулся Лёня, – это произвело потрясающее впечатление. Говорят, мальчик забросил теперь рогатки и изменил свои повадки.

– О! – засмеялся полковник Логинов. – Вы даже стихами заговорили.

– Заговоришь, – вздохнул Фомин. – Вот посмотрите-ка.

И он протянул полковнику тонкий листок, на оборотной стороне смазанный клеем.

На листке было написано химическим карандашом:

Учти, презренный Петухов,
Коль не совсем ты глуп,
Что из петушьих потрохов
Бывает жирный суп.
Коль волю дашь ты кулакам –
Запомни: быть беде,
Опять получишь по бокам,
Как нынче.

П. и Д.

– Да, от такой угрозы задрожит не только трусливый Петухов, но и любой храбрец. Здорово!

– Но это ещё не всё, товарищ полковник. Вот сообщение из Театра юного зрителя. Там на днях шёл спектакль о войне. В одной из сцен фашисты берут в плен пионера. Под пытками они хотят заставить его рассказать, где находится штаб партизанского отряда. И в самый трагический момент, когда зал буквально бушевал, переживая за судьбу героя пьесы, на сцене произошло замешательство. Дело в том, что плетка палача, лежавшая на полу, вдруг сама поднялась с пола и начала изо всех сил хлестать артиста, исполнявшего роль палача. Зал восторженно зааплодировал. Но

занавес пришлось закрыть. Артистка, игравшая роль мальчика, схватила плетку, отбросила ее за кулисы и подбежала к пострадавшему.

– Владимир Петрович! – закричала она. – Что с вами? Я не могу понять, что случилось?

И тут они услышали чей-то смущенный голос:

– Ой, извините, пожалуйста, мы просто забыли, что вы артист. Мы думали, вы и взаправду фашист. Простите нас, пожалуйста...

– Ничего не скажешь. Активные молодые люди.

– Тут ещё десятка два сообщений об их поступках. И, знаете, молодцы – справедливые ребята!

– Да вы уж не влюбились ли в них заочно?

– А почему бы не влюбиться? Здесь они привели заблудившегося малыша домой, там – помогли поймать карманника. Тот бросился было бежать от милиционера, а бежать-то не может. Знаете, товарищ полковник, есть сведения не только об этих двух наших подопечных, но и материалы, которые по моему запросу поступили из других городов.

Василий Михайлович начал просматривать письма.

«...На ваш запрос Якутское областное управление милиции сообщает: Недавно на самолёт, направлявшийся с грузом на одну из станций Северного полюса, проник каким-то образом мальчик. Личность его установить не удалось, так как оказалось что этот пассажир – не видим. Его наличие на самолёте обнаружилось уже при посадке на льдину. Все члены экспедиции были поражены, когда в воздухе поплыл красивый альбом с видами города Прибайкальска и мальчишеский голос произнес:

– Привет отважным полярникам от учеников 117 школы сибирского города Прибайкальска. Примите наш скромный подарок...»

«...Неподалеку от станции Осиновка, – говорилось в другом письме, – на строительстве Братской ГЭС неожиданно вспыхнул огонь в тайге. Члены добровольного пожарного общества бросились к щитам с противопожарным инвентарем. На одном из щитов не хватало огнетушителя. Каково же было удивление пожарных, когда на месте происшествия был обнаружен огнетушитель, который сам по себе заливал огонь, не давая пламени разрастись... На помощь пожарным вскоре пришли строители, подъехали цистерны с водой. Пожар, возникший от окурка, брошенного в тайге, и грозивший станции Осиновка, был ликвидирован...»

«...На одной из пограничных застав, в горах недавно произошел случай, который может вас заинтересовать, – сообщалось в третьем. – Начальнику заставы стало известно, что в один из ближайших дней готовится переход вражескими диверсантами границы. Были усилены дозоры. Бойцы-пограничники ещё более бдительно несли охрану своих участков. В ночь на субботу погода выдалась ненастная. Туман залил горы. Видимость стала совсем плохой – в двух шагах не различишь деревья. Эту ночь и выбрали враги. Переход через границу начали на рассвете. Двух человек задержали почти сразу. У них не оказалось оружия, при обыске ничего интересного и подозрительного найти не удалось. Оба задержанные заявили, что посланы с целью вредительства и диверсий, но они русские, которые во время войны попали в плен к фашистам и они не захотели предавать своей родины. Оружие и радиостанцию они спрятали в лесу и могут, если надо, показать, где.

Всё это походило на правду. Но начальник заставы знал: иногда одних – неблагонадёжных – посылают на первый провал для того, чтобы отвлечь внимание и облегчить путь другим. И он приказал пограничникам быть настороже.

И не зря. На другом участке раздались выстрелы. Отряд конников умчался туда, где слышалась стрельба. Туман редел, смутно проступали уже мокрые деревья, влажная земля тускло поблескивала. Тяжело раненный пограничник указал направление, в котором скрылся враг. Раненого увезли, отряд двигался по лесу. След вёл в глубокое глухое ущелье. На дне его тяжело ворочалась река. Если враг подбередет по воде – найти его будет трудно. Конники спешили. Проводник с собакой пошел впереди. И тут все заметили, что рядом со следом тяжелых мужских сапог – тянется след детских ботинок. «Откуда взялся ребенок?» – ломали себе голову бойцы. А след рассказывал им всё, что происходило. Вот мальчик – судя по всему это был мальчик – присел и схватил шпиона на ногу. Тот плюхнулся, и, вероятно, расшиб голову – на камне остался след крови. Вот мальчик подставил ему ножку, и враг свалился в довольно глубокий ров. Станным казалось, что диверсант не видит своего преследователя. Ага, вот тут он уже гнался за мальчиком, а тот кружил около деревьев.

Вдруг следы оборвались. И тогда все увидели, что на камнях лежит измученный мужчина со свирепым лицом и держит руки над головой. А неподалеку из-за дерева выглядывает пистолет, висящий в воздухе, и грозит врагу. Вероятнее всего, пистолет этот совсем недавно принадлежал шпиону.

– Ну, ты держи, держи руки, а то выстрелю! – раздался за деревом детский голос, хотя никто не видел говорящего.

– Надо слушаться маленьких, – громко сказал, выходя из кустов командир отряда. – Взять его! – приказал он бойцам.

– Ой, спасите! – закричал вдруг юный пограничник.

– Что с тобой? Где ты? – спросили солдаты.

– Мне страшно.

– Не бойся! Теперь он тебе ничего не сделает.

– Да я не его боюсь, а лягушку...

– Что же ты за парень, – засмеялись пограничники, – если лягушек боишься?

– А я не парень. Я Вера... Вера Сокольникова из 117 школы города Прибайкальска.

– А почему ты от нас прячешься?

– А я не прячусь вовсе. Я просто невидимка...»

Материалов было много. Прочитав их, полковник Логинов посоветовал Лёне сообщить в Прибайкальск о местонахождении ребят и послать соответствующим отделениям милиции материалы о принятии мер к возвращению детей домой.

– А что же мы будем делать с Димкой и Павлушей? – Василий Михайлович взглянул на лейтенанта.

– У меня есть одна мысль по этому поводу, – улыбнулся Лёня.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

о том, где спят поезда метро, и о том, кто спит в поездах метро

Больше всего народу в метро – вечером. Одни спешат на вокзалы к поездам, расходящимся по лучикам-рельсам от Москвы во все края огромной страны. Другие – торопятся к центру. Здесь соперничают с луной яркие витрины магазинов, светящиеся рекламы кино. Здесь зовут зрителей освещенные подъезды театров.

Мчатся поезда метро из конца в конец Москвы, чудесно увеличивая, удлиняя человеческую жизнь. И это не удивительно. Ещё многие старожилы помнят, столько

нужно было раньше затратить времени, чтобы попасть, допустим, с Ярославского шоссе на Киевский вокзал. Люди с чемоданами выстраивались в длинные очереди у трамваев и автобусов, тратили на путешествие из конца в конец города по нескольку часов. А теперь? Теперь по красивой, плывущей вниз лестнице спустился на станцию, сверкающую мрамором, никелем, хрусталём, сел в голубой с жёлтым лакированный поезд, вместе с ним нырнул в темноту – в туннель, и поднимайся себе через пять-десять минут на нужной улице или площади.

А если попал в метро впервые – тебе покажется, что забрёл ты в царство сказки. Словно волшебник Алладин или чародей Сулейман Ибн Хоттаб использовали всё своё могущество, чтобы устроить эти подземные дворцы. Но нет. Никакие волшебники не способны придумать столько неповторимых красот, столько замечательных и разнообразных колоннад, переходов, коридоров, лестниц, залов. Это сделали люди. Это они прокатали сверкающую сталь, которой украшены рвущиеся ввысь колонны станции Московская. Это они выложили на потолке той же станции из маленьких кусочков стекла тонкие, точно сделанные акварельными красками рисунки. Это они отшлифовали мрамор Таганской и Арбатской станций, создали бронзовые скульптуры на площади Революции, осветили коридоры Курской станции лампами дневного света, так, словно солнце горит в окошках глубоко под землёй, а под ноги пассажирам бросили узорчатые каменные ковры.

Кончается вечер, наступает ночь. Смолкает городской шум. В метро начинается отлив. Людей всё меньше. Вот мчится, торопясь на последний поезд, запоздалый человек. И шаги его гулко отдаются в пустом зале. Захлопывается за ним бесшумная дверь. Поезд скрывается в туннеле.

Поезда уходят спать. Устало гудят их натруженные за день ноги. В пустых вагонах гуляют ветерки. Поезда, не останавливаясь, пролетают мимо станций, куда пришли уже рабочие, чтобы отремонтировать движущуюся лестницу – эскалатор, – осмотреть, наладить, если это необходимо, оборудование станции.

А поезда уже в парке. Длинными змейками стоят они на рельсах и на понятном только им языке обмениваются дневными впечатлениями. А тем временем «доктора» с молоточками в руках, с запасом слесарных инструментов выслушивают их сердце – мотор, простукивают каждый суставчик, нет ли в нем повреждения, а не надо ли этот вагон отправить в больницу?

– Послушай, Тимофей Митрофанович, не слышишь ты какого шума?

Пожилой слесарь заглянул в дверь одного из вагонов.

– Да, вроде кто-то ходил по вагону, – ответил ему второй и тоже заглянул в дверь.

– А знаешь, Сергей Николаевич, мне слышался голос, такой писклявенький. Никак показалось.

– Может и показалось. А надо заявить начальнику. Я давеча слышал, Тимофей Митрофанович, будто спорят мальчишки какие-то в вагоне. Заглянул, а там никого. Голоса, однако же, слышно. Ну, я зашел в вагон, для храбрости кашлянул и, значит, пошёл на голоса. А они возьми да и смолкни. Ищу, значит, руками развожу, шарю кругом. Чувствую, мимо меня пробежал кто-то. Ногами-то хоть и потихоньку, а так, значит, – топ, топ, топ... Чего бы это могло быть? Ума не приложу.

– Одно слово – дело подозрительное. Ты тут подежурь, а я пойду позвоню в милицию. Так-то оно вернее.

А тем временем наши друзья укладывались спать. В их положении сделать это было не очень сложно. Они расстелили постель – вытерли рукавами мягкие вагонные

диваны, положили под головы подушки – для этой цели служили собственные ладошки, и накрылись одеялом, которого не было.

– Генеральская постель, Димка, – сказал Паша, потягиваясь. – На таком диване, наверное, спит только персидский шах. Да и то по праздникам.

– Ладно, ладно, персидский шах, спи.

– Что-то в последнее время ты задумчивый стал какой. Прямо на глазах умнееешь.

– Задумаешься! Денег-то у нас тю-тю. Последний рубль.

– Ну и не беда. И без денег проживём. Гостиница у нас бесплатная, транспорт тоже. Вот в смысле питания – это да. Это значительно хуже.

– То-то и оно. Не воровать же.

– Скажешь, воровать. Если кто-нибудь поделит с нами пирожок наполовину, так сразу уж и воровать. А в вагоне-то пирог какой вкусный был. До сих пор слюнки текут.

– Да перестань ты, китайский мандарин. Дело, понимаешь, серьёзное. Во-первых, без еды не прожить долго, а во-вторых, я вот всё об одном думаю...

– О чём это?

– Я ведь не знаю, как снова стать видимыми.

– Да что ты говоришь? Неужели и вправду Зелёнобородый не рассказал тебе, как это делается? Я думал, ты пошутил в вагоне-то.

– В том-то и дело, что нет.

– Так... значит... – в голосе Паши послышался испуг, – значит, мы теперь на всю жизнь невидимки?

– Выходит, что так. Надо искать выход, а как его найдёшь.

– Вымажемся сажей и станем чёрными, как негры. И все дела.

– Ну, ты скажешь! Ведь одежду нашу не видно, значит, сажа тоже не поможет.

Димка повернулся на бок, чтобы взглянуть на Пашу, и увидел под диваном брошенную кем-то газету.

Делать было нечего. И часа через два газета была прочитана от доски до доски. И тут только друзья обратили внимание на сообщение в отделе происшествий:

«На днях два ученика Прибайкальской школы № 117 Вадим Смирнов и Павел Кашкин, рискуя жизнью, спасли из-под машины маленькую пятилетнюю девочку – Марусю Логинову. Московское городское управление наградило отважных пионеров ценными подарками. Лиц, знающих местонахождение ребят, просят сообщить им, что премию можно получить в городском отделении милиции по адресу...»

– Вот это да! А ты горевал, что остался последний рубль. Видишь, ценные подарки. Что бы это могло быть?

– Ну чему ты обрадовался?

– Как чему? – искренне удивился Павлуша. – А ты разве не рад?

– Нет. Скажи мне, мудрая голова, роза моего сердца, ответь мне на один вопрос: откуда они знают наши фамилии?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ, в которой Димка с Пашей потеряли друг друга и в которой милиционер Степан Аванесов проявляет бдительность

Утром Димка написал домой письмо.

«Здравствуй, дорогая мама!

Ты, наверное, очень беспокоишься обо мне. Не надо волноваться, со мной ничего плохого не случится. Вот уже неделю мы с Пашей бродим по Москве, а еще не посмотрели даже половины музеев. Тут на каждом углу музей. В основном новые машины показывают, такие удивительные, как в фантастическом романе – сами без человека все делают. Даже могут умножить миллион на сто миллионов – и никакой тебе ошибочки. В другом – показывают подарки, присланные разными народами в Москву. Там есть даже маленькое рисовое зёрнышко, на котором один индус вырезал целое письмо! Но сегодня мы с Пашей решили двинуться дальше в путь: по каналу «Москва-Волга» поплывём на Куйбышевскую ГЭС. До свиданья, мама. Следующее письмо напишу тебе из Куйбышева. Твой сын Димка.

Передай маме Паши, чтобы она не волновалась».

Воскресенье. На речном вокзале, кажется, собралась вся Москва. Да и кому же не захочется в тёплый, залитый жёлтым солнцем день прокатиться с веселой компанией по каналу. В очередях к кассам толпятся солидные отцы семейств, беспричинно улыбающиеся студентки, загорелые строители и не менее загорелые члены спортивных клубов. И, конечно, вездесущие мальчишки и девчонки.

– Смотри, Димка, да это же наши знакомые! – Павел показал на группу ребят с рюкзаками, столпившихся вокруг высокой румяной девушки, повязанной красным галстуком.

Димка посмотрел по направлению Пашиного пальца.

– А! Путешественники из сибирской тайги! Просто завидки берут. Мы вот, можно сказать, невидимки, а вынуждены прятаться, заботиться о пропитании, а они – пожалуйста.

– Да, пирог у них был вкусный, – в который раз уже припомнил Павел и потуже подтянул пояс.

В это время ослепительно белый теплоход торжественно прогудел, что на его языке обозначало:

– До свиданья, друзья-приятели, я отчаливаю. – Гудок вывел наших друзей из задумчивости, и они галопом помчались к трапу. Димка вырвался вперёд и успел проскочить на борт. Паша замешкался и оказался на сходнях в тот самый момент, когда капитан отдал приказ «Убрать трап!».

Трап под ногами Павла закачался. Кашкин закричал изо всех сил:

– Ой, мамочка! Куда же вы меня тащите!

Люди на пристани растерянно оглядывались по сторонам.

Под Пашей, внизу, клокотала вода. Матросы, приостановившие было подъем трапа, довели своё дело до конца. И судорожно уцепившийся в сходни Кашкин был мигом втащен на пристань.

Теплоход был уже далеко от берега. Он медленно, величественно плыл вниз по течению, выплескивая на тех, кто остался на берегу, из мощных репродукторов весёлую песню:

Пароход по Волге плыл.

Волга матушка-река!

Телеграфный столб свалил –

Заливает берега.

Павел до самого вечера бродил по Москве одинокий и грустный. Больше всего хотелось есть. А в глаза, как назло, лезли из освещенных витрин горячие московские

бублики, пухлые жирные колбасы, слоистая ветчина, идеально обтекаемые, как космическая ракета, батоны и прочая снедь.

К вечеру небо заволочило серыми одеялами, солнце безуспешно попыталось прорвать в них хоть маленькую щёлку. В ответ на это из одеял хлынул дождь. В довершение всех бед Кашкин ещё и промок.

Он стоял в вестибюле станции метро, и вода медленно стекала с одежды к ногам. Лужа становилась всё больше. Она была странных очертаний эта лужа. Кого-то она напоминала Кашкину. Он присмотрелся и понял, что лужа – точный портрет старика-приведения с Горного озера. Значит, это виновник всех их приключений и неудач – зелёнобородый волшебник.

Одна из струек потекла в сторону, точно Зелёнобородый показал Павлу язык.

– Ах, ты так! – сердито сказал Кашкин. – Тогда я знаю, что сделать!

И он решительно вышел из метро.

В этот вечер в городском управлении милиции дежурил на посту в центральном подъезде молодой милиционер Степан Аванесов, только что вернувшийся из отпуска. Он был человеком исполнительным и добросовестным и втайне мечтал стать когда-нибудь знаменитым следователем. Эта идея увлекла Степана Аванесова ещё с детства, когда он прочитал затрёпанную, рваную книгу с замусоленными страницами – «Приключения Шерлока Холмса». Степан приучил себя ничему не удивляться и, совсем как Шерлок Холмс, анализировать всевозможные странные происшествия. И, надо сказать, достиг в этом некоторых успехов.

Вот и сейчас мимо внимания Степана, хоть он и говорил по телефону, не прошло, что дверь гулко хлопнула. «Кто-то вошёл», – решил Степан. Но в коридоре никого не было.

«Кто бы это мог быть?» – начал анализировать Аванесов, но тут он обратил внимание, что на лестнице снизу вверх отпечатываются мокрые следы.

«Так след небольшой. Скорей всего детский... Хотя вполне возможно и женский... Странно... Честный человек не крался бы так медленно... Всё ясно – злоумышленник хочет украсть важные документы! Так... Не нужно горячиться... Степан Аванесов, ты можешь отличиться!»

Следы поравнялись с дежурным, он пропустил злоумышленника вперед и громовым голосом крикнул:

– Стой! Стой, тебе говорят!

Злоумышленник остановился и почему-то всхлипнул мальчишеским голосом:

– Ой, дяденька... Мне нужно здесь подарок получить, ценный...

– Ну-ну, рассказывай. Подарок ему нужен. Ты лучше скажи: кто тебя сюда послал?

– Никто меня не посылал! Я верно, дяденька милиционер, за подарком. В газете было написано...

– Ишь ты, в газете. Вот завтра тебя следователь допросит, будешь знать, как безобразничать. Я пока, до утра, отведу тебя в детскую комнату. А утром посмотрим.

– Дяденька! А как вы увидели меня? Неужели я, наконец, стал видимым?

– Милиция, брат, она всё видит! Ясно?

– Ясно, товарищ милиционер. А, скажите, в детской комнате мне поесть дадут?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой Димке назначают свидание

Ночь. Тёмная глухая ночь. Любопытные звёзды, проклюнувшись сквозь тучи, с удивлением смотрят на мир, притихший и задумчивый.

Свернувшись калачиком, спит Павлик. Он променял тёплую кровать детской комнаты на неудобный диван поезда метро. Ведь было решено: если путешественники потеряют друг друга – ждать в метро. Спит он крепко, впервые за последние три дня Кашкин поел, как полагается. Его ещё не хватились в детской комнате. Дежурный наивно подумает, что странный мальчишка-невидимка, съевший сегодня три первых и два вторых, лежит себе в чистой постели.

В другом конце Москвы, разметавшись в постели, спит Маруся Логинова. Ей снится, будто на праздничной демонстрации она вместе с отцом рассматривает нарядные, весёлые толпы людей. Вдруг кто-то отрывает её от папиного плеча и бросает вверх с такой силой, что Маруся садится на край пролетающей мимо тучки. Уцепившись за косматую белую шерсть, она с любопытством и страхом поглядывает вниз на город, ставший похожим на игрушечный.

Ночь. В полутемном кабинете – горит только настольная лампа на столе Василия Михайловича – полковник Логинов и лейтенант Фомин обсуждают план дальнейших мероприятий по возвращению домой невидимок. Они не знают пока, что один из них ещё несколько часов назад хотел войти в кабинет полковника, но был задержан бдительным милиционером Степаном Аванесовым. А Степан Аванесов, который только что сменился с дежурства, рассказывает своей невесте – они бродят по Фрунзенской набережной Москвы-реки – о сегодняшнем происшествии.

В Москве ночь. А в другом конце страны – в Прибайкальске – уже утро. Сеня Тузиков пришел к капитану команды «Ураган» с предложением переиграть матч. Сеня, как и другие жители города, узнал о том, что весь пятый «В» класс 117 школы превратился в невидимок, и понял все, что случилось в тот знаменательный день. Сеня решил, что победа была нечестной.

Но матчу в этот день не суждено было состояться. В тот самый час, когда Сеня постучал в дверь квартиры капитана команды «Ураган», на прибайкальском вокзале вышла из вагона в сопровождении милиционера Вера Сокольникова. Следующим поездом прибыл мальчишка, гостивший на Северном полюсе. Сами понимаете, что ученикам 117 школы, да и остальных школ, было не до футбола.

К вечеру в город вернулись восемнадцать невидимок. Где только не побывали они, сколько удивительных историй рассказали товарищам! Но мы, к сожалению, не можем пересказать даже десятой части всех их приключений. Во-первых, потому, что для этого надо было бы написать несколько толстых книг, весом в десять пудов каждая, а во-вторых, потому, что нам пора уже на теплоход, на котором возвращается Димка (вы догадываетесь, должно быть, что ему из-за Паши приходится возвращаться в Москву). Мы должны торопиться на теплоход, потому что там называют важные события.

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница пятьдесят шестая

Последний гудок, прощальный гудок...
Я снова в Москву спешу.
Уже позади грохочущий док

И волжского порта шум.
Уже далеко позади вдали
Плотина, что режет реку,
И нефтью богатые Жигули –
Наше второе Баку.
А ветер воду пенит и рвёт,
Пашет до самого дна.
Всю ночь по Волге взад и вперёд
Ходит морская волна.
Ночь. Пассажиры в каютах спят,
В кубрике – тишина.
Ходит по Волге вперёд и назад
Пенистая волна.
Она качает наш теплоход,
Как будто баюкает нас...
И вот я открыл в изумленье рот:
В салоне огонь погас,
В иллюминатор воды струя
Вдруг ворвалась во мгле.
Стало светлее. И вижу я –
Рыбка лежит на столе.
Она вся светится изнутри,
Дышит она тяжело,
Весёлою радугою горит,
Хрупкая, как стекло.
– Не узнаёшь меня? – говорит.
– Не узнаю, – говорю.
– Помнишь озеро или нет?
– Помню, – шепчу в ответ.
– Как же ты меня не узнал?
– Трудно тебя узнать!
– Это меня ты за хвост поймал
И отпустил опять.
Послушай, дорог мне каждый миг, –
Ровно в четыре утра
Будет ждать тебя наш Старик
Там, где спускают трап.
– Я непременно приду, – говорю
– Не опоздай, – говорит.
– За сообщение благодарю!
– Не за что, – говорит.
И снова струя заглянула в салон –
И вот уже рыбки нет.
Пора бы поспать... Да какой тут сон
Скоро, скоро рассвет!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

о том, что голод не тётка, деревня не город, а Кузька очень похож на Зелёнобородого

Тимофей Митрофанович и Сергей Николаевич – слесари парка электропоездов метро – с некоторых пор стали задерживаться на работе позже обычного. Оба сухощавые, невысокие, они походили на братьев. Только один – Тимофей Митрофанович – чуть постарше и чуть повыше, а второй – Сергей Николаевич – помоложе, поживее.

– Чего это они по ночам шарят в поездах? – удивлялись их товарищи по работе. – Никак ищут клад, спрятанный в кожаных диванах.

И, встречая дружков, все торжественно раскланивались и спрашивали:

– Ну, как? Ещё не нашли?

– Да пока нет... – смущенно разводил руками Тимофей Митрофанович и косился на шагающего рядом напарника. – Ты, поди, разболтал? – строго спрашивал он, когда они оставались одни.

– Да ты что, – обижался Сергей Николаевич. – Я думал, это ты по-стариковски не вытерпел...

Подозрительных разговоров в электропоездах с той памятной ночи им не довелось услышать, но зато среди работников метро разговоров было хоть отбавляй. Друзья каждую ночь обходили все вагоны один за другим, ведя производственные разговоры. Чтобы не спугнуть невидимок, они делали вид, что тщательно осматривают состояние обшивки на сиденьях. Но всё было безрезультатно: невидимок, о которых им под большим секретом рассказали в милиции, не было.

Однажды, устав после тщательных и безрезультатных поисков, искали «клада» присели на коричневый диван.

– Знаешь, Тимофей Митрофанович, какая мысль у меня вот уж несколько дней из головы не выходит?

– Ну?

– А ведь мы, должно быть, вспугнули птичек и они теперь, может, спят себе спокойным сном на другой линии.

– Правда твоя, Сергей Николаевич. Ну, конечно, спят они, милые голубчики, сейчас да над нами посмеиваются: тоже мол, Шерлоки-Холмсы в метро нашлись!

– Я вот что думаю: не сообщить ли об этой догадке в милицию?

– Да, пожалуй, надо...

Слесари вышли из вагона и остановились, затаив дыхание: в соседнем поезде слышались знакомые голоса.

– Ты вот что, – шепотом сказал Тимофей Митрофанович, – беги звонить, а я тут покараулю.

Он подошел поближе к окну, из которого слышался довольно громкий разговор.

– Ну, и дальше что? – произнес взволнованный голос.

– Да, понимаешь, подхожу я к двери – склянки на теплоходе пробили три часа – а дверь-то заперта! Я и так её пробую открыть и этак – никакого результата. Раньше-то я не обращал внимания, открыта или закрыта по ночам дверь салона, а тут спохватился, да поздно.

– Да, положеньице!

– Что же делать, думаю, как быть? Ведь до встречи с Зелёнобородым осталось меньше часа.

«Так, – подумал Тимофей Митрофанович, еще ближе продвигаясь к окну. – Так,

значит «Зелёнобородый». Это надо запомнить».

– А в иллюминатор не догадался?

– Как же не догадался. Да только мало толку: наружу выбраться можно, а на палубу – нет, иллюминатор-то ведь ниже палубы. А, главное, никто не видит тебя. Шторм на Куйбышевском море ого какой, ветер свистит. Упадёшь в воду – и поминай как звали. Был бы нормальным человеком – вахтенный бы заметил, ну, закричал бы «человек за бортом»!.. Может, и вытащили бы. А тут – невидимка...

– Так ничего и не придумал?

– Придумал.

– Вот здорово!

– Привязал к скобке на иллюминаторе штору, что висела на двери, привязал другой конец её к ремню – для страховки: если свалюсь – штора удержит. А вторую половинку шторы захватил с собой. Привязал к ней вместо груза чугунную пепельницу. Узорчатая такая. Выбрался с трудом наружу. Ногами упираюсь в край иллюминатора, а сам на весу. И давай бросать пепельницу вверх. Полчаса бросал – никакого толка. Она валится чуть не на голову, я её опять вверх. Ну, зацепил всё ж таки за поручни, ослабил конец, и пепельница спустилась обратно. Я тогда соединил оба конца шторы вместе и полез на палубу.

– Прямо как в кино!

– Бегу на корму, спешу – никого. Обежал всю палубу, снова вернулся на корму. Зелёнобородого и след простыл. Обманул старик, думаю. И слыша вахтенный склянки бьет – пять часов.

– Эх, чёрт! Опоздал!

– Да, опоздал. Теперь когда ещё случай выпадет, чтоб узнать способ превращения в видимок.

– Что же мы будем делать теперь? Есть хочется страшно. Деньги кончились. Надо ехать домой.

– Как же уехать, если Зелёнобородый где-то здесь. А без него мы не сможем стать видимыми. Как смотреть в глаза ребятам будем? Ведь это я их превратил в невидимок. Придумал, тоже! «Гениальная идея!» Как это меня угораздило?

– Знаешь, Димка, что я придумал? Утром поедem в деревню. Там легче добыть чего-нибудь поесть.

– Гляди, Паша, нас, кажется, подслушивают.

Тимофеей Митрофанович, который приблизился к окну настолько, что его заметили, торопливо отскочил назад. Но было уже поздно.

– Паша! Надо уходить. Это что-то подозрительное.

– Мальчики! – взволнованно сказал тогда слесарь. – Мальчики, дело вот какое. Ваши родители очень беспокоятся о вас. Они прислали письмо в Москву с просьбой помочь найти Вадима Смирнова и Павла Кашкина. Это ведь вы, не правда ли? Вот я вам скажу сейчас приметы: Вадим Смирнов, ученик пятого класса, 11 лет, волосы русые...

– Похоже, что это я.

– Вот видите. Глаза серые есть?

– Есть.

– Нос прямой, над верхней губой родинка, есть?

– Есть.

– Ну вот видите! Теперь Кашкин Павел. Волосы рыжеватые, глаза светло-карие...

- Кажется, есть.
- Рот большой, нос чуть вздернутый...
- Одну минуточку. Димка, у меня что и вправду большой рот? Нет, здесь ошибка. Что значит большой рот? У меня самый нормальный, можете посмотреть сами. Пожалуйста.
- А нос чуть вздернутый, и подбородок круглый – уже менее уверенным тоном произнес Тимофей Митрофанович, - это есть?
- Так точно! Все на месте!
- Вы тут вот, мальчики, я слышал, собираетесь в деревню. А зачем? Хотите проверить зрелость овощей на огородах? Тогда, может, поедem ко мне? Я живу тоже за городом. Может, слышали – Расторгуево, от Повелецкого вокзала – рукой подать? Не слышали? Ну ничего.
- Спасибо вам, но только нам нельзя к вам ехать.
- Почему же?
- А вы нас отправите в милицию.
- Зачем же обязательно в милицию? А потом, если вы люди честные, так чего вам милиции бояться? Она, наоборот, помочь в беде может. Это не про вас ли пропечатали в газете, что вроде девочку из-под машины спасли. Марусю Логинову?
- Было такое.
- Ну, вот видите, – оживился старик. – А ведь она, Марусенька, начальнику городского-то управления милиции дочкой приходится. Полковнику Логинову. Вот оно как. Так что в случае чего прямо к Логинову, Василию Михайловичу. Он уж вас в обиду не даст.
- А далеко это Расторгуево?
- Дом-то мой? Да нет, недалечко. Минут сорок езды. А то и меньше.
- Может, поедem, а, Димка?
- Ну, хорошо. Мы поедem, дедушка, спасибо вам за заботу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
о том, что голод не тетка, деревня не город,
а Кузька очень похож на Зелёнобородого
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Сергей Николаевич вернулся через несколько минут и застал своего напарника в обществе ребят. Об этом он догадался по оживлённому разговору, который слышался из вагона.

- Значит, вы были знакомы с Зелёнобородым? – с недоверием спрашивал кто-то из мальчиков.
- Да вот так, как сейчас с тобой разговариваю, так разговаривал с ним.
- Вот здорово! Нам, Димка, просто повезло!
- Все равно до утра ждать электрички. Может, расскажите нам про Зелёнобородого, – Сергей Николаевич понял, что этот вопрос задал Вадим Смирнов.
- «Тимофей-то Митрофанович – этот может, – подумал слесарь. – Хлебом его не корми, а дай сказку рассказать».
- Ну что ж. Времечко есть, отчего не вспомнить, что было, да чего не было. – Старик почесал в затылке, хитро улыбнулся – одними глазами – и начал издалека...

Первая легенда о старике-озорнике

Давно ли это было, недавно ли, а может и совсем не было – кто знает. А только жил да поживал на свете паренёк один. Кузьмой звали его. Ну, кто и Кузькой назовёт – тоже не обижался. Он ведь сам-то любого мог обозвать как угодно. Озорник был – свет таких не видывал. Бывало девчонки на вечерку соберутся, а он чертом али лешим обрядится да давай их за косы-то дёргать. Другая и знает, что Кузька это развлекается – да всё равно страшно. Чёрт – чёрт и есть. Верили люди тогда во всякую чепуху.

Ну, на завтра, конечно, все срамят, проклинают Кузьку, а он нет, чтобы повиниться, али исправиться там. Он ещё какую проказу выдумает, да похлеще первой. То двух коров хвостами свяжет и стегнёт их крапивой, то скамейку подпилит – сядут на нее – и хлоп на землю. Одним словом, озорник – и только.

Ничего сделать не могли с ним. Собрались раз старики и промеж собой говорят: «Надо, мол, его проучить разок-другой. Да так проучить, чтоб он озоровать-то бросил». Долго думали. День думали. Ночь думали. Ещё ночь с днём прихватили. И придумали наконец.

Вот однажды Кузька снова пришёл на вечерку, распугал девчат. А одна не боится его, вроде. Стоит себе, семечки пощёлкивает. Кузька даже удивился, что за такая смелая. Вот я тебя, мол, крапивой сейчас. Сорвал крапивы, да к ней, значит. А она чуть отбежала и стоит себе. Кузька за ней. Она снова так же. Отбежала, отбегала, а потом как прыгнет. Озорник-то тоже прыг, да и очутился в яме. Бился он бился, а выбраться не может. Ну, ночью кое-как вылез, ушел домой.

А только учёба-то впрок ему не пошла. Хуже прежнего стал шуметь по селу, девушке этой просто проходу не даёт. Однажды поймал, да привязал косами за дерево. А в одном доме окна и двери ночью заколотил. Люди выйти хотят, ан не тут-то было.

Разозлились люди на озорника – сил нет. Снова собрались старики. День с ночью думали, ещё день с ночью да ещё третьи сутки прихватили. И придумали наказание Кузьке. Поймали его всем селом вечером, в мешок завязали, да и понесли на берег озера. У нас за селом озеро широкое, берега круты. Вот бросили Кузьку в озеро и пошли. Пришли домой и говорят: «Ну все! Был Кузька – да не стало. Некому больше озоровать».

А Кузька-то, верите, не верите, лежит себе на дне озера и думает: «Куда это я попал?». Выбраться из мешка все же не может. Чувствует, худо дело. Сперва было катался, бился, потом примолк. Вдруг слышит рядом снаружи голос, хитрый старушечий:

– Что, сынок, попался?

– Попался, так попался, - отвечает Кузька.

– Хочешь выручу?

– Хочу.

– Только уговор – за выручку ты мне отдашь то, что у тебя есть, а я тебе – то, чего у тебя нету.

– Ладно, – согласился Кузька, а сам подумал: «У меня в карманах ничего вроде, ценного нет. Да и обмануть старуху-то, завсегда можно».

Исчезла старушка. А Кузька всё лежит в мешке да лежит. Час прошёл, другой прошёл, третий. Кузьке тошней тошного стало.

Вдруг опять голос снаружи:

– Лежишь?

– Лежу. А ты что не выполнила обещание? Развязывай мешок, скорее, старуха!

– Я, во-первых, не старуха, а во-вторых, это обещала тебе моя бабушка.

– Ну, всё равно развязывай.
– Давай сначала меняться.
– Опять меняться! Хватит. Развязывай, говорю!
– Ну не хочешь – не надо. Лежи себе.
– Эй, эй! Постой! Чего торопишься? Не даешь человеку подумать. Ну, куда ни шло – давай меняться, только выпусти ты меня отсюда.
– Ладно, выпущу, только отдай мне то, что у тебя есть, а я тебе то, чего у тебя нет.

– Согласен.

И снова никого. «Что за чудеса, – думает Кузька. – Ага, вот опять кто-то подошёл. Али подплыл?» – не может ничего понять озорник.

– Значит, меняешь? – голос опять новый.

– Да меняю, меняю! Вот привязались!

– А что на что меняешь?

– Будто не знаешь – что есть у тебя на то, чего нету.

В ту самую минуту мешок раскрылся и раздался страшный хохот.

Вылез Кузька и видит: вода кругом – спереди, сзади, сверху. А снизу дно усеянное мелкими камнями. И висят прямо перед ним в воде три темные тени. Вот одна опустилась на дно и превратилась в старуху. Из ушей и носа ее вылез зелёный мох, морщинистое лицо было похоже на кожуру грецкого ореха.

– А золотой, молодой, – с ехидной улыбкой сказала водяная старуха. – Отдавай, что обещал.

– А я и не отказываюсь, – и Кузька выворотил карманы.

Старуха злобно засмеялась.

– Хитришь! Зачем мне всякое барахло! Молодость у тебя есть, а старости-то нет! Вот и подавай мне свою молодость, забирай свою старость.

– Э, нет, – сказал Кузька, укладывая на место своё добро. – Так дело не пойдёт.

И вдруг голос его стал хриплым, старческим, а старуха расправила плечи и стала молодой красавицей со злым взглядом зелёных глаз. Кузька взглянул на ее зеленовато-белые руки, которые стали теперь гладкими и нежными, а потом на свои и вскрикнул. Кожа на его руках обвисла и сморщилась. Поясницу заломило, скорчило ноги.

Тут опустилась вниз вторая тень, это был огромный черный таймень.

– Ну, Кузька Озёрович, давай меняться.

Кузька похолодел.

– Хватит, – несмело сказал он. – Я уже всё отдал, что у меня было.

– Нет, друг милый, не всё. Есть у тебя человеческий облик, а нет облика рыбьего. Отдавай мне человеческий, забирай себе рыбий.

Открыл Кузька рот, чтобы ответить, а вылетел изо рта только писк. Хотел Кузька руками взмахнуть – а вместо рук у него плавники. А таймень превратился в молодого красавца со злым взглядом зелёных глаз.

– Пойдем, дорогая, – сказал он бывшей старухе. – Мы тысячу лет ожидали с тобой этого дня.

Кузька что-то кричал им вслед, бил хвостом и успокоился только тогда, когда кто-то постучал ему в бок. Кузька оглянулся. Рядом с ним плавал малюсенький плешивый старичок.

– Эгей, Кузька! Ты со мной ещё не рассчитался!

– Да у меня же забрали всё, – заплакал Кузька, и слёз его не было видно – кругом

вода.

– Нет, не всё – захихикал старик. – Не всё. У тебя ещё остался твой длинный рост. Теперь он тебе не нужен. Какая разница будешь ты большой рыбой или маленькой. А в обмен я сделаю тебя волшебником.

– Ну, хорошо, – согласился Кузька. – Давай меняться...

– А дальше, дедушка, а дальше?

– А дальше будет в следующий раз, – ответил чей-то незнакомый голос.

Мальчики оглянулись: в дверях вагона стоял лейтенант милиции. Это был Лёня Фомин.

ЧАСТЬ III

Самый главный волшебник

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ, в которой Маруся Логинова разговаривает с Алёной-малёной

Алёна-малёна успела перемазаться уже с утра. Степан Аванесов – он проходил через двор, в котором играла Алёна, – точно определил: лазила на забор – платье впереди в цветной извёстке; была на чердаке – где ещё можно набрать столько пыли; играла в классы – около кармашка следы мела. Аванесов, может быть, прошёл бы мимо, но Алёна-малёна была родной сестрой его невесты, и Степан не мог оставаться равнодушным.

Он уже принялся было распекать неряху, заранее предвкушая, как она напугается и удивится, что он про неё «всё-всё знает», но из подъезда выскочила Маруся Логинова.

– Алёна! – закричала она. – Иди сюда. Я тебе сейчас расскажу такое – сама не знаю какое!

Алёна воспользовалась этим и убежала к подруге, а Степан невольно прислушался к их разговору.

– А у нас гости, знаешь какие?

– Знаю, дядя Лёня Фомин к вам приехал, я видела...

– И ничего ты не знаешь. И вовсе у нас в гостях невидимки. Вот. А мама говорит, что они меня спасли...

При этих словах Аванесову припомнились мокрые следы на лестнице и нагоняй, который получил он за то, что упустил какого-то мальчишку. Спасло тогда Степана лишь одно – он в тот день только вернулся из отпуска и о невидимках ничего не знал. Иначе пришлось бы ему навсегда распрощаться с мечтой о должности следователя. Сегодня у Степана настроение значительно повысилось: утром его вызвал Василий Михайлович и предложил ехать на учебу в школу работников милиции.

– Они заправдашние невидимки?

– Угу.

– А посмотреть на них можно?

– Да их же совсем, ну совсем не видно.

– И вовсе ты обманщица, – сказала Алёна-малёна и отвернулась. – И никаких невидимок у тебя нет. Если были бы, так показала б...

– Ну пойдём, пойдём, увидишь сама.

– А они малюсенькие?

Девчонки помчались к подъезду. За ними двинулся и Степан Аванесов. «Хоть

посмотрю, за кого мне попало» – думал он, на самом-то деле не очень веря, что могут быть на свете невидимки. Всё в жизни должно иметь объяснение – так считал Аванесов и был верен этому принципу всегда.

Девочки на цыпочках вошли в комнату. Степан остался стоять в дверях. Он видел, как боязливо крадутся Маруся и Алёна к кровати, на которой только тренированный глаз Аванесова мог заметить приметы людей. Подушки смяты головами, одеяло поднялось горбом в двух местах. «Один спит спокойно, другой разметался», - решил Аванесов

– Где же невидимки? – шёпотом спросила Алёна-малёна.

– А вот же, на кровати.

– И даже ничего тут нет, – сказала Алёна-малёна уже погромче и потрогала рукой одеяло. Вдруг она отдёрнула руку и закричала.

– Что случилось? – подбежал к девочке Аванесов.

– Невидимка схватил меня за палец.

– Это тебе показалось, Алёнушка. Они ведь спят.

Но девочки уже выскочили на улицу. Поговорив немного с Марусиной мамой, вышел из дома и Аванесов. В углу двора он увидел девочек. Алёна-малёна была окружена большой толпой ребятишек.

– Я их нисколько не боялась, – хвасталась она, – ну, нисколько. Один даже хотел мне палец откусить, но я его как...

Степан улыбнулся и пошёл к автобусной остановке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой письма находят адресатов, адресаты путешествуют, а путешественники возвращаются

Пока наши друзья видели седьмые сны в квартире полковника Логинова, сам Василий Михайлович взволнованно ходил по кабинету.

– Ну, хорошо, – говорил он Лёне. – Мальчиков мы нашли. Но это ведь полдела. Надо помочь им снова стать видимыми. А это штука нелёгкая. Не верить же их заявлению, что во всем виновата волшебная калоша! Ведь это абсурд.

– Конечно, – соглашался Фомин. – Если верить в калошу, то тогда надо всерьез давать объявление в газете: «Потерялся волшебник. Нашедшего просим вернуть владельцу за вознаграждение». Чепуха получается.

– Вот что, ты оставь мне письма, пусть мальчики почитают, а сам поезжай к профессору Верхумдрову. Вдруг он сможет помочь.

Лёня развязал ставшую весьма пухлой коричневую папку и достал письма из Прибайкальска. Их было несколько.

Димка с Пашей вошли в кабинет через полчаса после ухода Фомина. Они уселись на стулья у стола Василия Михайловича, и полковник вручил им письма из дому. Это был самый приятный сюрприз для мальчиков, потому что кто же не скучает по дому? Где бы ни был человек – в дальнем ли увлекательном плавании, в трудном ли походе, на берегу бирюзового моря, в диких ли нетронутых горах, с весёлыми ли он друзьями или один – человек всегда скучает по дому. Ведь там его семья. Отец, который кажется ему сильнее, умнее, отважней всех на свете. Мать, которая для него самая добрая, ласковая, красивая на всей земле женщина. Дом, в котором он появился на свет, в котором сделал самые первые в жизни шаги.

Мальчики углубились в чтение писем, позабыв все на свете.

«Здравствуй, Димочка!

Как я соскучилась по тебе, дружок. Василий Михайлович написал мне, что вы, наконец, нашлись, и я очень рада. Я так волновалась всё время, пока о вас не было никаких известий. Только Анатолий Петрович утешал нас. «Тридцать один нашелся, – говорил он, – двое найдутся. Он оказался правым. Пришло твое письмо, но без обратного адреса, я и не знала, куда написать тебе. Приезжай поскорее, дружок. Твоя мама».

Димка чуть не расплакался над письмом, так ему захотелось домой. А Кашкин почему-то улыбался. Димка понял, в чём дело, когда они обменялись письмами.

«Братишечки-омулятнички, как поживаем?

Что ж это вы пустились в путь-дорогу, а меня, старого рыбака и заядлого путешественника, оставили дома? Не ожидал, не ожидал. Это уже не по-товарищески. Я, конечно, понимаю, вы, братки-рыбаки, зазнались. Думаете, стали невидимки, так уж теперь на нас, видимок, можно смотреть свысока? А я и сам без вас тут задумал проехать на «Победе» вдоль всего Байкала. А? Что? Вижу, вижу, глаза заблестели. Ну, да я не такой, как вы. Хотите – возьму с собой? Мне места не жалко. Только дело-то вот в чём: отпуск у меня начинается через неделю, так что вы, того, торопитесь! Ясно! Тут ещё мама хочет вам написать пару слов, а я кончаю».

После закорючки, которая должна была означать подпись Кашкина-отца, другим почерком было приписано:

«Пашенька! Не ходи, милый, без головного убора. Лето жаркое – может случиться солнечный удар. Приезжай поскорее. Мама Валя».

Третье письмо читали вслух.

«Невидимкам-путешественникам, великим покорителям пространства, представителям великого племени пятиклассников от братьев по счастью и несчастью, наш невидимый привет.

Это письмо, по поручению тридцати одного невидимки пятого класса «В» 117 школы, пишет Совет невидимок. Недавно мы узнали о ваших делах и обсудили на Совете ваше поведение.

Большинство поступков признано правильными. Так держать!

Наш Совет невидимок провёл большую работу в Прибайкальске. Нас боятся, как огня, всяческие хулиганы, драчуны и задавалы. Мы им объявили беспощадную войну.

Раз в неделю мы собираемся в школе, докладываем Совету о выполнении заданий, рассказываем о своих приключениях. Их у каждого очень много. Приезжайте скорее. Будем вместе думать, как стать видимыми.

По поручению невидимок пятого класса «В»

Председатель Совета невидимок Сокольникова Вера».

К письму был приложен отчет каждого из учеников пятого «В».

– Прочитали? – спросил Василий Михайлович, заметив, что письма, повисев в воздухе, опустились на стол.

– Прочитали, – в один голос ответили друзья.

– Тогда у меня есть предложение...

Ребята молчали.

– Знаете, какое?

– Нет. Не знаем.

– Покатать вас по Москве и показать город. Нет возражений?

– Нет!

– А вот и Лёня вернулся, – обрадовался Логинов, заметив лейтенанта в дверях. – Ну, как? – спросил он Фомина.

– Всё в порядке, – улыбнулся тот, – примет.

Несколько часов ездили они по Москве. Любовались столицей с балкона университета на Ленинских горах, побывали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, и в кукольном театре, и киностудии «Мосфильм». Всё было интересным, но приближался вечер. Уже у самого дома встретили они шагающих к вокзалу старых знакомцев – сибирских пионеров. Путешественники загорели, рюкзаки их пополнились экспонатами. Вид у пионеров был усталый и довольный. И снова Димка подумал о том, что лучше путешествовать так же, как эти ребята, чем как они с Пашей.

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,
в которой автор вспоминает наконец о своем обещании
приводить страницы из «Дневника»**

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница шестьдесят седьмая

Смотрю ль исторические места,
Гляжу ли на старые снимки,
Я думаю: как родилась мечта
О шапке, о невидимке?
Когда-то я сказку такую читал:
Иван-дурачок эту шапку достал,
Наденет – и станет невидим,
И сильный его не обидит.
Та шапка всегда приносила зло,
Когда попадала к богатым,
И в шапке всегда беднякам везло...
Но все это было когда-то.
Вот я – невидимка. Казалось бы тут
Быть гордым, надутым сверх меры,
Так что же меня завидки берут?
Вот шли мимо нас пионеры,
Устали (в дороге не первый час!)
Но каждый был весел взглядом...
Казалось, шагала жизнь мимо нас,
А мы оставались рядом.

**ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,
в которой бабушка Варвара решила наконец поговорить
с «нечистой силой»**

Проходя через комнату, в которой поместили невидимок, бабушка Варвара всегда крестилась. В бога она давно не верила, и делала это на всякий случай: а вдруг

эти мальчишки и впрямь нечистая сила?

– Послушайте, мама, – говорили бывало ей Василий Михайлович и его жена. – Ведь мальчишки же совершали только хорошие дела, спасли нашу Марусю из-под машины. Что же вы их боитесь?

– Так-то так, – отвечала старушка, – да только неприлично как-то разговаривать со стенками. Их ведь сердешных не видно, а я сослепу-то не могу никак разобрать – есть они в комнате, али нет.

Поздно вечером бабушка усыпляла Марусю. Девочка капризничала и требовала, чтобы вместо бабушки её баюкал Димка. Старушка испуганно оглядывалась и старалась всячески отвлечь девочку. Но Маруся была упряма. Пришлось звать невидимок. Дрожа и крестясь, бабушка Варвара вошла в комнату мальчиков, передала им просьбу Маруси. Наши друзья отправились к девочке, а старушка, преодолевая страх и держась за сердце, побрела за ними: можно ли оставить беззащитную внучку наедине с «нечистой силой»?

Спеты все песенки, которые знали Паша и Димка. Надо сказать, что колыбельных среди них не было – по крайней мере, так показалось бабушке. Самой медленной и убаюкивающей из них была «Песня о физзарядке» – «Ни мороз мне не страшен, ни жара».

– Да не так громко. Что вы кричите, ведь так слона разбудить можно, не то что ребёнка усыпить... – решила поговорить с «нечистой силой» бабушка Варвара. – Вот как нужно...

И она запела:

Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю –
Придёт серенький волчок
Схватит Машу за бочок...

Но у Маруси вовсе не было желания быть схваченной за бочок и с каким-то подозрительным волком путешествовать под ракитовый кусток. Ей было куда интереснее слушать «про мускулы стальные, про шорохи ночные, про смелых и больших людей». И она потребовала от невидимых нянек новых песен. Однако запас «колыбельных» у наших друзей был уже исчерпан.

– Маруся, давай лучше мы тебе сказку расскажем, – предложил Паша.

– Сказку, сказку, хочу сказку! – обрадовалась девочка.

И тогда, наперебой, поправляя друг друга, мальчишки рассказали ей всё, что знали про Кузьку-озорника.

– А потом что с ним было?

– Что было потом, мы не знаем.

– Наверное, навсегда остался Кузька рыбой.

– Мне жалко Кузьку, – заныла Маруся.

– Почему же, Марусенька? – недоумевал Паша. – Он же плохой.

– Всё равно жалко...

Бабушка Варвара, внимательно слушавшая рассказ невидимок, вдруг улыбнулась и сказала.

– Хотите, я расскажу вам, что было дальше?

– Хотим! – обрадовано и удивленно вскрикнули в один голос и невидимки и Маруся.

– Тогда слушайте.

Вторая легенда о старике-озорнике

– Нет, ты отдал ещё не всё, – захихикал старик-карлик. – Не всё. У тебя ещё остался твой длинный рост. Теперь он тебе не нужен. Какая разница, будешь ты большой рыбой или маленькой? А в обмен я сделаю тебя волшебником.

– Ну, хорошо, – согласился Кузька. – Давай меняться.

И поплыли они в глубь озера. Долго плыли, нет ли, а только остановились у глубокого чёрного провала. Заглянул Кузька вниз, а там и дна не видно – тьма кромешная.

– Ну что, – говорит старичок, – ныряем, что ли?

А Кузька даже глаза зажмурил: страшно ему.

– Эх, ты! А ещё тоже, озорничал, смелым считался. Тьфу! Знал бы, так и не связывался бы с тобой.

– Я-то, что ли, трус? – обиделся Кузька.

Добрался он до края пропасти, да как бросится вниз головой. Сердце, конечно, в пятки. А только чувствует, держит его что-то на воде, спускается он медленно так, словно крылья его поддерживают. Тут только вспомнил Кузька о своей беде – стал он рыбой, вовек теперь ему не вернуться в родные места, не стать парнем красивым да статным, не повидать девушку, которой немало зла сделал он. Теперь-то он уж точно знал, что нет её краше на свете, что любит он её больше жизни. Да ничего не вернуть.

И во второй раз закапали слёзы из круглых Кузькиных глаз, да только никто не видел тех слёз – кругом вода.

Долго так опускались старик да рыба. Час миновал. И второй. И третий. А тьма кругом – глаз выколи. Вдруг полоска света показалась – узенькая да ясная-ясная. Вот она все светлее. Горит, искрится прямо под ними скала, переливается вокруг неё подводная радуга.

Опустились пловцы наши на скалу, снял старичок чёрное кольцо с пальца и приложил к камню. Разошлась скала на две половины, ослепительный свет ударил Кузьке в глаза. Смахнул он слёзы и видит: мраморная белоснежная лестница петлями спускается вниз по скале, золотые фигуры толпятся с двух сторон лестницы. Прикоснулся старичок к первой из них чёрным кольцом – ожили фигуры, задвигались. Идут вниз пловцы, а каждый золотой человек отдает поклон им, пристраивается сзади и тоже идет следом. Лестница закончилась над новой пропастью. Кузька даже вниз глянуть боится. Расходятся от лестницы волны – синие, красные, огненные, зелёные. Старичок прикоснулся кольцом к Кузьке – выросли у Кузьки руки, ноги. Стал он и сам похожим на старика – волшебника, только ростом высок. А волшебник уже ступил на первую волну, раскачался на ней, как на той качели, и перепрыгнул на следующую. И каждый раз, как ступал старик на новую волну, меняла цвет его одежда. Вся она теперь сверкала драгоценными камнями – и алым рубином, и прозрачным бриллиантом, и матовым жемчугом и светлой бирюзой.

Подумал-подумал Кузька и решил: «Эх, была не была – двум смертям не бывать, а одной не миновать!» – и тоже ступил на первую волну. Ступил и полетел вверх, точно им из пушки выстрелили. Спустился вниз, а это уже не волна, а дворец нарядный стоит. Снова полетел вверх Кузька, только уж помедленней. Через голову перекувырнулся и снова вниз. А там – дворец ещё краше первого.

Сколько раз так повторялось – Кузька даже счёт потерял. А только опустил он во дворец невиданной красоты. Глядит, а навстречу ему уже идёт старичок,

волшебник-то. Смотрит на него Кузька, и узнать не может: стал старик молодым красавцем со злым лицом да сердитыми зелёными глазами.

– Ну, вот, – говорит, – дорогой Кузька Озерович, мы и на месте. Проходи, гостем будешь. Я вовсе не такой уж злой, как ты думаешь. А только поменяться мне с тобой ростом просто необходимо.

Садятся они за стол, едят блюда невиданные, пьют вина непробованные. Рыбы им прислуживают, золотые фигуры песни поют. И чудится Кузьке весёлый праздник в родном селе. Собрались за столом мужики, женщины надели лучшие платья. Только-только сняли урожай, и столы ломятся от жирного мяса, пьяной браги, пухлых калачей. Вот уж и гармонь завела свою песню. И девчата вышли в круг. А среди них – лучшая самая – Васютой звать её. Пляшет она, платочком шёлковым обмахивается и манит, манит к себе Кузьку...

И в третий раз смахнул Кузька кулаком слезинку. Да только никто того не видел – вода кругом, вода.

– Что ж у тебя за беда? – спросил Кузька хозяина дрогнувшим голосом.

Влюбился я в красавицу одну – Васютой её зовут. Вот посвататься хочу, да забрать её сюда, во дворец мой подводный. Разве не по красавице хоромы? Да только не знаю, как к ней с таким ростом подступиться. А вот буду я росту большого, тогда...

– Не будешь ты большого росту, не будешь, – сердито закричал Кузька, вскочив с места. – Не хочу я меняться, не отдам тебе Васюту!

Засмеялся волшебник. Ударил сердито рукой, на которой кольцо надето, по столу. Гром покатился по озеру, завертелась в нём воронкой вода. Вода вертится всё быстрее, воронка всё глубже. Вот уже Кузька на дне воронки. Выпрямилась вода. И рыбаки, в испуге собравшиеся на берегу, увидели, как взлетела вверх над водой большая быющая рыба, перевернулась в воздухе и тяжело плюхнулась обратно в озеро.

– А дальше?

– Поздно уже, ребятки. Да вон и Марусенька заснула. В другой раз уж.

– Да, да, друзья. И вам пора спать.

Мальчики оглянулись. На стуле у самых дверей комнаты сидел Василий Михайлович. Никто и не заметил, как он вошёл.

– На боковую, братцы-кролики, на боковую. Нам завтра очень рано вставать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, в которой разговаривают деревья, машины ездят без шофёров, а тележки летают

Все последние дни жизнь у друзей была интересной и в то же время скучной. Интересной, потому что их без конца возили по Москве, показывали, рассказывали. По вечерам они сидели у телевизора в квартире Логиновых или вместе с Лёней Фоминым отправлялись на стадион. А скучной их жизнь была потому, что за все эти дни не произошло с ними ничего весёлого, ничего особенного, друзья почти забыли, что они невидимки. Только на стадионе на Леню косились соседи: он старательно оберегал места справа и слева от себя и с кем-то разговаривал во время матча. Или, наоборот, сам он сидел совершенно спокойно, а слева и справа неслись крики: «Давай-давай!», «Да, бей же! Бей! Эх, мазила!»

Сегодня должны произойти перемены. И большие. Об этом мальчики догадались ещё с вечера, когда их рано уложили спать, а потом Василий Михайлович долго о

чём-то беседовал с Лёней.

Было ещё темно, когда во дворе заурчали машины. Полусонные невидимки сбежали с лестницы – лейтенант Фомин ждал их в новенькой «Волге». Димке показалось, что Лёня чем-то взволнован.

И вот уже голубая «Волга» смешалась с потоком машин, покружила по Садовому кольцу, пересекла город и вырвалась на Ярославское шоссе. Уже позади красивый мост с каменными тумбами, похожими на фонтаны, и знаменитая скульптура Мухиной – рабочий и крестьянка, стоящая у входа на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Замелькали дачные посёлки, заводы, пронеслись и остались позади поля подмосковных колхозов, сады, зеркальный пруд, в котором плескалась стайка ребят.

Часа через три свернули налево и долго ехали по просёлочной дороге, потом петляли по лесу и, наконец, остановились перед табличкой, висящей над дорогой. На ней было написано одно лишь слово:

СТОП!

– Назовите ваши фамилии, – раздался откуда-то сверху глуховатый громкий голос.

– Лейтенант Фомин, Вадим, Смирнов, Павел Кашкин, – быстро ответил Лёня.

– Всё правильно, – сказал тот же голос. – Оставьте машину здесь и пройдите до конца асфальтового тротуара.

– Хорошо.

Лёня открыл дверку, и вслед за ним мальчики вылезли из машины. Не успели они ступить на тротуар, как машина дала сигнал и тронулась с места.

– В ней же никого нет! – удивлённо вскрикнул Павел.

– Ну и что? – Фомин с улыбкой посмотрел на ребят, недоуменно глядящих вслед «Волге», скрывшейся в соседней аллее.

Они дошли до конца тротуара. Здесь их снова остановил тот же голос:

– Вам придётся несколько минут обождать.

– Ждем, – сказал Фомин.

– Слушай, Димка, – почему-то шёпотом заговорил Павел, – откуда голос идёт? Ведь смотри – репродукторов-то нигде нет...

– Почему же нет? – Лёня сделал широкий жест. – Они могут быть замаскированы в каждом листочке. Полупроводниковый радиоприёмник можно сделать совсем малюсеньким, вместишь в футляр для часов.

– А куда это мы приехали? – не унимался Павел.

– Мы приехали к самому главному волшебнику.

– Ну! – глаза Паши стали круглыми.

Раздалось лёгкое покашливание, словно кто-то сдерживал смех, и знакомый уже нашим путешественникам голос проговорил:

– Профессор Верхомудров готов принять вас.

Почти в ту же самую минуту к тротуару подъехала небольшая тележка с четырьмя мягкими креслами – по два друг против друга. На её лакированных боках сверкало солнце. Внешне тележка немного напоминала лодку с обрезанным носом и укороченной кормой.

– Садитесь, – голос теперь прозвучал из странного экипажа.

– А, догадался! – закричал Паша. – Здесь все невидимки!

– Может быть, может быть, – улыбнулся Лёня, усаживаясь поудобнее в тележку.

– Теперь привяжитесь ремнями, они у каждого за спиной, – командовал голос.

Ремни – очень тонкие, но крепкие – действительно оказались за спиной. Друзья покрепче затянули пряжки. Раздался очень мелодичный продолжительный звонок, тележка качнулась, проехала два-три метра и легко поднялась в воздух.

У невидимок замерли сердца. Потом мальчики стали смотреть по сторонам. Их экипаж, стремительно поднимаясь, летел над лесом к большому сморщенному ветром, озеру. Там в самом центре водоёма торчало несколько деревьев, приткнувшихся на небольшом островке. Между ними белели стены восьмиугольного здания.

Поравнявшись с островом, тележка неожиданно замерла в воздухе и медленно пошла на снижение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, в которой мы знакомимся с самым главным волшебником

Они приземлились на крыше. Ровная восьмиугольная бетонированная площадка блестела, точно была отполированной. По краям площадки шла узорчатая оградка – фигурки зверей и силуэты деревьев переплетались в фантастический орнамент. Слева оградка искрилась серебристым блеском, справа – отливала золотом.

Любопытный Паша протянул руку, чтобы потрогать перила, но тотчас же отдернул её.

– Не прикасаться! Смертельно! – предупредил тот же голос. Как видно, владелец его внимательно следил за всеми действиями гостей.

– Разве мы стали видимыми? – растерянно спросил Павел.

– Нет, – ответил Лёня. – А что?

– Как же он увидел, что я протянул руку к перилам?

– Значит, увидел. Ведь на то он и есть самый главный волшебник. И лейтенант добродушно рассмеялся.

– Идите к центру площадки, – командовал голос.

Они пошли к центру и тут только заметили, что тележка куда-то исчезла. Зато в том месте, где она приземлилась, темнел на сером бетоне пластмассовый восьмиугольник.

Едва друзья разместились на нём, с некоторым волнением и недоумением ожидая, что же будет дальше, раздался точно такой же, как в тележке, мелодичный продолжительный звонок, восьмиугольник под ногами вздрогнул и медленно двинулся вниз.

Метр. Второй. Третий. Серые стены ползут вверх. Над головой светлеет восьмиугольный клочок неба.

Ещё один звонок. Пластмассовая площадка остановилась. Восемь дверей из хромированной стали сливались с такими же стальными стенами. В третий раз прозвенел звонок. Одна из дверей бесшумно ушла внутрь стены. Через минуту друзья стояли в высокой квадратной комнате, заставленной дорогой ореховой мебелью.

– Смотри, Димка, – почему-то шепотом сказал Паша, – пол здесь тоже пластмассовый.

– Да и стены...

Комната и в самом деле была облицована светло-кремовыми плитами, которые отливали порой то красноватым, то зеленоватым цветом. Дверей нигде не было. Даже ту, в которую только что вошли наши друзья, теперь было трудно найти.

– Что же делать дальше? Сидеть и ждать?

– Ты бы, чем вопросы задавать, на потолок бы посмотрел.

– А что?..

Лёня и Паша взглянули вверх.

Им вдруг показалось, что потолка нет, а высоченная, бесконечная комната упирается прямо в синее – без облачка – небо. Потом над головами за клубились струйки не то дыма, не то тумана, небо скрылось, и растерянные гости увидели, что потолок есть, но он сделан из стекла удивительной прозрачности. Но вот стекло замутилось, точно его залили молоком, потом слегка пожелтело, и комната приобрела свой обычный вид. И потолок не отличался уже от стен ни цветом, ни материалом.

В ту же минуту снова раздался знакомый голос:

– Профессор Верховудров приглашает вас к себе.

За спинами гостей раздвинулась стена. Они вскочили с мест, растерянно потоптались и вошли в кабинет профессора Верховудрова.

Вы, должно быть, знаете уже: раз в книжке идёт речь о профессоре, да ещё таком знаменитом, как Верховудров, значит, тут должен появиться старик – в очках, с бородкой клинышком, рассеянный и чуть-чуть смешной. Если вы так думаете, то вы глубоко ошибаетесь.

Навстречу нашим друзьям из-за стола – он был тоже из белой пластмассы – поднялся молодой человек, круглолицый с очень светлыми волосами и удивительно чёрными, мохнатыми бровями. Был он высокого роста, даже Лёня Фомин рядом с Верховудровым показался мальчишкой.

– Ну, – мягким тенором сказал профессор, – рассказывайте, что с вами произошло?

И уже в который раз пришлось Димке вспоминать о встрече с Зелёнобородым, и обо всем, что случилось после.

Профессор задумчиво покачивал головой, потом, совсем как доктор из детской больницы, достал из стола трубку, выслушал по очереди каждого из невидимок, засунул в рот одному и другому чайную ложечку и потребовал:

– Скажи: «А»

– А-а-а- ...

– Так, так, так, так. Теперь скажи: «Б»

– Б-е-е...

– Так, так, так. Совсем хорошо. Теперь затаи дыхание... Так... Ну, что же вам сказать? Случай, конечно, трудный. Но ничего такого, что было бы недоступно науке, на свете не существует. А пока вам нужно немного перекусить и отдохнуть с дороги.

Он чуть измененным резким голосом произнёс, ни к кому не обращаясь:

– Комната двести семьдесят три. Четыре прибора.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ, в которой выясняется, из чего были сделаны котлеты

Димке есть не хотелось. Перед глазами всё ещё стояли поразительные картины только что увиденного. Мысленно он снова шёл по сверкающим голубоватым коридорам, заглядывал в лаборатории, уставленные полупрозрачными сосудами причудливых форм. Снова бесшумно открывались и закрывались двери.

А за столом разговор шёл тоже об институте. Павлуша задавал профессору вопрос за вопросом, так что Верховудров даже устал.

– Все очень просто, – говорил он, – с помощью специальных приборов мы

улавливаем электричество, которого всегда много в атмосфере земли. Кроме того, мы используем энергию солнца. Это электричество и даёт нам возможность проводить самые различные опыты. Наш институт только по привычке называют институтом. На самом деле здесь работают учёные самых различных профессий. Ой, кажется, я непонятно говорю. Ну, в общем, мы изучаем те самые границы, где одна наука соприкасается с другой – физика с медициной, астрономия с биологией и так далее.

Профессор лукаво улыбнулся и спросил:

– Вот скажите, что вы сейчас кушаете?

– Как что? – удивился Паша. – Котлету, и очень вкусную.

– Правильно. А из чего, по-вашему, сделана эта котлета?

– Конечно же, из мяса, – развел руками Лёня Фомин.

– А вот и нет, – Николай Тимофеевич, так звали Верховудрова, засмеялся. – А вот и нет, не угадали!

– Из чего же тогда? – Димка медленно жевал котлету, пытаясь угадать.

– Ни за что не угадаете.

– Из рыбы, наверное, – на всякий случай сказал Павлик.

– Нет, – возразил Лёня Фомин, – на рыбу не похоже.

– Так и быть, скажу. Из воздуха.

– Из воздуха?! – вскричали все трое. И было в этом возгласе и удивление, и недоверие, и восхищение.

– Да, – подтвердил профессор, – из воздуха. Химическим путём.

Верхумудров встал.

– Нам с вами предстоит трудная работа сегодня. Мне надо подготовиться, а вам неплохо бы поспать.

– Нам спать совсем не хочется. Мы не устали, – заговорили мальчики.

Но профессор только улыбнулся:

– Сейчас захотите.

Он нажал одну из кнопок на стене. Димка увидел, что под кнопкой было написано: «СОН».

– Вы проснетесь через три часа, – сказал профессор и вышел.

А наши друзья почувствовали вдруг, что им смертельно хочется спать.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ, в которой приводится последняя страница «Дневника», но приключения наших героев ещё не кончаются

Ровно через три часа в комнате раздался приятный мелодичный звон. Первым проснулся Лёня Фомин и быстро растолкал мальчишек.

– Вставайте, дружочки, – говорил он, волнуясь. – Начинается самое главное.

– Что главное? – спросонок недоумевал Паша.

– Главное, говорю, самое начинается.

Из стены выдвинулся умывальник и тотчас же, едва друзья успели всполоснуть заспанные лица, исчез.

Дверь отворилась, и знакомый голос – теперь мальчикам было известно, что это голос главного диспетчера института, – пригласил их в медицинский кабинет: прямо по коридору, вторая дверь направо.

«Начинается самое главное, – волнуясь не меньше, чем Лёня Фомин, думал Димка. – Начинается самое главное...»

Из дневника
Вадима Смирнова

Страница девяносто восьмая

Нам выдали всем по халату –
Мой был мне до самых пят.
И вот мы заходим в палату,
В ней сотни приборов стоят.
А в центре – хрустальные вазы,
Над каждою шар – точно спрут,
Учёные, как водолазы,
Надели скафандры и ждут.
Нажали какую-то кнопку,
И тотчас же стало темно.
Хоть с Пашею мы не из робких,
А страх одолел всё равно.
Вот новая кнопка нажата –
И вазы сверкают огнём,
Как будто кто радугу спрятал
Под этим цветным хрусталём.
Ещё одна кнопка. И снова
Надвинулся мрак. Но из тьмы
Спросили у нас:
– Вы готовы?
– Готовы! –
Ответили мы.
И вот повели нас куда-то,
А Паша-то на пол – и хлоп.
Запутался в полах халата
И чуть не расшиб себе лоб.
Открылись хрустальные вазы.
Вошли мы – закрылись опять.
Стою в серединке и сразу
Почувствовал: хочется спать.
«Вот, думаю, вовсе некстати!
Ведь спал только три часа...»
Я утром проснулся в кровати
И, значит, проспал чудеса.

И Димка был не одинок в желании спать. Паша, едва очутившись внутри хрустального цилиндра, который в дневнике Вадима назван «вазой», тоже уснул. Только лейтенант Фомин был свидетелем всего, что произошло.

Как только мальчики оказались внутри цилиндров, Лёне предложили надеть скафандр. Николай Тимофеевич сам проверил, плотно ли пригнан скафандр, помог Лёне защелкнуть замок.

Раздался звонок. На этот раз он был резким, коротким и тревожным. Все заняли

свои места у приборов, которые показывали состояние мальчиков. И хотя невидимки были за толстыми хрустальными стенами, учёные видели их как бы насквозь. Каждый мускул, не говоря уже о сердце, лёгких и мозге, был под наблюдением.

Прозвенел ещё один звонок, такой же тревожный и короткий.

И тогда в хрустальных цилиндрах вспыхнул свет. Тускло поблескивали шары, похожие благодаря многочисленным отрезкам на спрутов. И на конце каждого отрезка пробегали искры электрических разрядов, словно маленькие молнии.

Лёня огляделся. Лаборатория меняла свой вид. Стены стали легкими и полупрозрачными, за ними клубился туман. Вот растаяли последние темные пятна, и стены исчезли. Над головой висели холодные мохнатые звезды. Фомин посмотрел вниз. Он на минуту зажмурился и чуть не вскрикнул: пола тоже не было. Казалось, прямо в воздухе высоко над землей висят два сверкающих столба северного сияния, а рядом с ними каким-то чудом примостились люди.

Третий звонок. Свет в цилиндрах начал тускнеть, а вскоре совсем погас. Мальчиков вынули из «ваз», уложили на носилки. В полумраке начали смутно проступать очертания их тел. Они становились видимыми.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой Паша Кашкин и некоторые другие герои повести проводят беспокойную ночь в институте профессора Верхомудрова

Небо в этом году соперничало с поливальными машинами. Чуть замечало оно, что просохли тротуары и мостовые города, как немедленно озабоченно нахмуривалось и принималось устранять «непорядок».

Дождь пошёл за полночь. Окно в комнате двести семьдесят три было раскрыто настежь, разговор воды и деревьев ворвался к нашим друзьям, но разбудить их не смог. Наоборот, шум дождя убаюкивал, и сон становился крепче.

Но вот какая-то неосторожная капля, поднятая с подоконника порывом ветра, влетела в комнату и – бывает же такое! – опустилась на кончик Пашиного носа. Удостоверившись, что площадка для приземления безопасная, капля махнула рукой своим подругам. Те не заставили себя ждать.

После того как на нос села восемнадцатая капля, Паша чихнул. Проснулся он после тридцать девятой. Проснулся, взглянул на окно и от удивления и страха замер: на мокром подоконнике билась огромная рыба.

Сверкнула молния, и мальчик увидел, что это таймень, темно-зелёный таймень, совсем такой, как Кузька из сказки.

Дрожа от испуга, Паша накрылся с головой одеялом. Но любопытство оказалось сильнее страха.

Таймень все ещё лежал на окне. Но вот он свернулся кольцом, голова его коснулась хвоста, и в тот же миг поднялся над рыбой легкий, светящийся белесый туман. Теперь на подоконнике сидел маленький плешивый старичок с зелёной бородой.

Зелёнобородый! – чуть не вскрикнул Паша.

А старичок спрыгнул с окна и, бормоча под нос какие-то слова, направился к двери.

– Где они могут быть? – бормотал он. – Мне надо их найти непременно, найти и помочь... Да, да, помочь. Я сделал их невидимками, я и должен превратить их в

видимых. А как же...

Старичок остановился у двери, прислушался к дыханию спящих.

– А может, они здесь?

Паша онемел: кто знает, какой номер может выкинуть этот странный волшебник. А вдруг он захочет превратить невидимок в рыб?

От этой мысли наш герой задрожал, кровать под ним скрипнула.

Старичок испуганно выскочил за дверь.

Нет, что не говорите, а любопытство Паши было и впрямь сильнее страха. Через минуту он уже выглянул в коридор.

Зелёнобородый шел к кабинету профессора Верхомудрова, оставляя на полу широкий мокрый след.

Было уже поздно, но когда старичок открыл дверь кабинета, Паша увидел, что там горел свет.

– Неужели профессор так поздно работает? – удивился мальчик. Он, должно быть, мало читал книг и поэтому не знал, что профессора по ночам вообще не спят, а изобретают всякие гениальные вещи.

За дверью послышался крик – голос был писклявый и неприятный.

– Вы мне отдадите этих мальчишек или я воспользуюсь властью чёрного кольца.

Что ответил профессор Верхомудров, Паша не слышал. Он подошел поближе к двери. На его счастье она была прикрыта неплотно, и Паша смог заглянуть в кабинет.

За высоким светлым столом сидел усталый профессор. Напротив него на стуле стоял волшебник. Его зелёная борода была всклокочена, с лысины одна за другой скатывались и падали на пол капли, величиной с кулак. Он размахивал короткими ручками и кричал:

– Да поймите же, что я ничего плохого не хочу сделать этим симпатичным мальчуганам. Они меня дважды выручали в беде, теперь я хочу их отблагодарить...

– Вот и заходите завтра днём, – спокойно сказал Верхомудров. – А ночью, да ещё таких уставших – после операции прошло всего два дня – я их будить не стану.

– А, не станете! – взгляд старика злобно сверкнул, таким же мрачным блеском вспыхнуло на пальце черное кольцо. – Ты будешь, как и я, рыбой! – крикнул он и ударил кольцом по столу.

Паша зажмурил глаза.

Раскрыл он их от пронзительного крика, который раздался в кабинете. Замирая от страха, мальчик дёрнул дверь и недоуменно остановился на пороге.

Профессор Верхомудров спокойно сидел за столом, улыбался, поглядывая на волшебника. А тот, горестно всплескивая руками, носился из конца в конец комнаты.

– Моё кольцо! Моё кольцо! – то и дело выкрикивал он.

Только тут Паша заметил, что на столе перед профессором лежат обломки чёрного кольца, которое еще недавно было на правой руке Зелёнобородого.

– Спасите меня! – плакался старичок. – Я перестал быть волшебником!

– Я помогу вам...

– О спасибо, спасибо... Я ведь тоже когда-то был человеком, мне надоело быть волшебником... Но сам себя я не могу спасти: я добровольно отдал какой-то старухе, таймену и плешивому старику свою молодость, свой рост, свой облик человеческий... Меня могут спасти только ребята, которые находятся у вас...

– Вот как? – удивился профессор.

– Да... Я специально для этого познакомился с Вадимом Смирновым – он был первым, кто решил помочь мне взять тележку... Теперь осталось совсем немного,

но...

Последние слова старичок произносил всё тише. Потом его голоса не стало слышно совсем – Зелёнобородый, точно рыба, открывал рот, не произнося ни слова. Потом он стал вытягиваться в длину, становился тоньше. И вот уже забился на полу зелёный таймень, покатился к выходу, наматывая на себя мокрый след на полу, точно ковровую дорожку, и исчез в ночной темноте.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в которой друзья наши все же попадают в Расторгуево

- Так вот вы какие, Вадим Смирнов и Павел Пашкин!
- С этими словами Лёня Фомин проснулся на следующий день.
- Значит ты вот ... Димка, а ты – Паша?.. Правильно?
- Правильно. А вы как догадались?
- Да уж догадался. А вы посмотрите-ка в зеркало.

Друзья, как по команде, повернулись туда, куда показывал лейтенант. На стене, действительно, висело зеркало, которого вчера ещё не было. Мальчики несмело подошли к серебристому стеклу. На них смотрели две растерянных и удивлённых физиономии, похожие на прежних Вадима и Павла, и в то же время непохожие. Оба изрядно похудели, лица обветрили и загорели, давно не стриженные волосы после сна торчали мохнатыми шапками.

- Мы – видимки! – вскрикнул Вадим.
- Точно! – обрадовался Павел.

Неожиданно в зеркале они увидели лицо профессора Верховудрова.

- Ну, как вы себя чувствуете, друзья? – приветливо спросил он.

– Хорошо ... – ответили мальчики, не зная, что и думать: говорящее зеркало – это почище невидимок.

- Да вы сюда оглянитесь, – засмеялся Лёня.

Мальчики оглянулись и поняли свою ошибку: профессор Верховудров стоял в комнате.

– Вот что, друзья, – предложил он. – Сегодня воскресенье, поэтому неплохо бы отметить выздоровление небольшой загородной прогулкой. А потом вы сможете отправиться домой. Ну как? Согласны?

- Конечно, – поспешил ответить Лёня.
- А куда мы поедем? – вставил неугомонный Паша.
- А поедем мы на дачу к моему отцу. Он живет в Расторгуево.

Через час у края асфальтового тротуара, к которому друзья наши подкатили на электрической тележке, стояла голубая «Волга», уже знакомая нам, и светло-серый «ЗИМ» Николая Тимофеевича.

В Расторгуево приехали к обеду. Машины проехали по пыльному просёлку и вылетели на неширокие улицы дачного посёлка. Сады навалились на потемневшие от времени плетни, лаяли собаки, прямо из-под колес с кудахтаньем вылетали куры, горделиво отряхивались и снова лезли на дорогу.

Домик, где жил отец Верховудрова, приютился на самом краю дачного посёлка, над небольшим прудом.

Зычно прогудел, подкатив к воротам, профессорский «ЗИМ». В дверях домика показался худощавый, невысокий старик.

Димка и Паша радостно вскрикнули: это был Тимофей Митрофанович – слесарь

метро. Вслед за ним выглянул из дверей неразлучный друг его Сергей Николаевич.

– Коленька! Сынок!

– Отец!

– Давненько, давненько ты не заглядывал.

И отец с сыном крепко расцеловались.

– Да вы проходите, проходите! – засуетился Тимофей Митрофанович. Тут только он заметил мальчиков.

– А это кто же? Уж не ребяташки ли твои? Скрывал поди от отца, что женился!

– Да что ты отец! – смутился профессор.

– А вы, Тимофей Митрофанович, взгляните повнимательней, – сказал Фомин. Старик и его не узнал, потому что лейтенант был в штатском. Сергей Николаевич дернул дружка своего за рукав и что-то сказал на ухо.

– Да ну? – не поверил старик. – Пстой, проверим. Значит так, глаза серые есть?

– Есть! – смеясь, ответил Димка.

– Нос прямой, над верхней губой родинка, есть?

– Есть.

– Все правильно. Ты, значит, Вадим Смирнов, а вот тот рыжеватенький. – Павел Кашкин. Точно?

– Точно!

– Так что же вы стоите, леший вас победи! В дом! Все в дом!

Старик суетился до самого вечера, не зная, как ему лучше угостить сына и его спутников, куда посадить, чем угостить. Он потчевал их прошлогодним мёдом со своей пасеки, свежими огурцами – ранними только с грядки. Он принёс из подполья маринованных грибков, а с чердака достал большую плетёную корзину, в которой ещё с осени хранились яблоки «белый налив».

Сергей Николаевич расспрашивал профессора о различных научных проблемах и высказывал в них такую осведомлённость, что Верховудров только диву давался. Однако после обеда все угомонились. Николай Тимофеевич отправился навестить друзей своей юности – он ведь и родился и вырос в Расторгуеве. Прихватил он с собой и Лёню – они были почти ровесниками.

Вечерело. Заря жёлтой лентой легла над ближним леском. В соседних поселках – в Бирюлеве, в Булатникове – зажглись огни. В ответ пожелтели окна в Расторгуеве.

– Дедушка!

– Что, дружок?

– Помните, вы рассказывали нам о Кузьке?

– Это про озорника-то? Помню, помню.

– Может, доскажете?

– Только нам бабушка Варвара маленько уже рассказала.

– Это докудова?

– Как он рыбой стал.

– А! Ну, ну. Так вот, значит, как дело-то было...

Третья легенда о старике-озорнике

Много ли, мало ли времени прошло – кто его считал? А только плыл как-то Кузька по озеру, печальный такой, невесёлый. И видит: колечко сверкает меж камней. Подплыл ближе, а кольцо-то огнем переливается. Взял Кузька кольцо, попробовал примерить. Едва надел он кольцо на плавник, как разыгралась буря на озере, заходила

вода волнами чуть не до неба, хлопнула Кузьку о какой-то камень. Зажмурил он глаза от страха: «Ну, – думает, – пропал!» Ан, нет. Ничего с ним не делается. Открыл глаза – понять не может, куда попал. Сидит Кузька снова в том дворце, где с волшебником пировал. А перед ним, на столе, кольцо лежит, которое он в озере-то нашёл.

Глядит на него волшебник злыми глазами и говорит:

– Ну что? Сам пришёл?

– И чего ты ко мне привязался? – отвечает Кузька. – Не хотел я вовсе приходить сюда. Вот кольцо надел и началась кутерьма.

– А зря ты, Кузька, отказался меняться. Васюту ты никогда не увидишь. Ведь рыба ты – и больше ничего. Подцепит тебя какой-никакой рыбак в сеть – и попал в уху. А я тебя сделаю волшебником.

– Мало мне от того пользы, – грустно сказал Кузька. – Кабы помогло это Васюту увидеть хоть глазком одним – всё бы отдал.

– Хорошо, – хлопнул в ладоши волшебник, – сегодня вечером ты увидишь Васюту!

– Тогда и меняться будем. Только мне бы до вечера отдохнуть. Устал я по воде плавать.

Волшебник повел его в комнату, уложил в постель. Радуетса сам, что Кузьку уговорить удалось. Кузька-то чуть не плачет. А только больше жизни дорога ему Васюта, и как спасти её от волшебника, он не знает. Притворился он спящим, а как увидел, что кроме него в комнате никого уж нет, достал потихоньку кольцо, которое прихватил он с собой со стола, так, чтоб хозяин не видел, взял драгоценный бриллиант, а он ведь, алмаз-то крепче металла любого, и давай царапать на кольце буквы.

Пришел вечер, прикоснулся волшебник черным кольцом, на правой руке надетым, к Кузьке. Появились у того руки, ноги. И поплыли они к берегу, часа два, почитай, добирались и вынырнули как раз против Васютиного дома. Подкрались тихонько к окошку. Видят: сидит Васюта у стола, слезами горькими заливается. Мать её успокаивает.

– Что ты, – говорит, – доченька, по ём убиваешься? Озорник ведь, чистый озорник был.

– Как же не убиваться мне, коли я его погубила. Ведь от любви озоровал он. Поняла я, да поздно. Нету мне без него жизни. Утопиться впору.

– Ишь, чего задумала! – в испуге замахала руками мать. – И мыслить про это не смей, из головы-то повыкинь. Мало ли парней на деревне, найдется и тебе пара, да ещё получше Кузьки-то твоего.

А Кузька-то стоит под окном и сердце его кровью обливается. Чуть не плачет, а сам на волшебника косится. Поднял Кузька незаметно камень, да и швырнул его потихоньку в волшебника. Тот оглянулся назад, а Кузьке только этого и надо. Бросил он в тот же миг колечко в форточку.

– Ай, маменька, никак что упало, – вскрикнула Васюта.

– Показалось!

– Нет, я все же посмотрю, – и Васюта пошла к окну.

– Увидят нас, – испугался Кузька. – Пойдём отсюда.

Ну, а волшебник-то и рад. Побежали они к озеру, да и нырнули в глубину.

Выглянула Васюта в окно – никого. А вроде кто-то разговаривал. Вышла на улицу – тихо.

Прошло немного времени, легли они с матерью спать. А девушке всё не спится.

Ворочается она с боку на бок, грустные думы думает. Вдруг замечает, светится что-то на полу возле окна. Встала Васюта, подошла и видит: лежит на полу перстень цвета морской волны. Играет, переливается. Подняла его девушка, смотрит, а на перстне три слова нацарапаны, хоть и не совсем ясно, а прочесть можно: «ЖДИ МЕНЯ. КУЗЬКА».

– Жив! Жив мой Кузьма, – закричала Васюта и упала без памяти.

В ту ночь на дне озера обменялись ростом волшебник и Кузька.

– Раз уж ты такой добрый, – сказал волшебник, – я тебя не только волшебником сделаю, но и раскрою секрет один. Пойдем.

Снова шли они по красивым, украшенным камнями драгоценными да золотом залам, пока не вошли в темную узкую каморку. Все стены её были уставлены книгами.

– Чтобы стать волшебником, тебе придется прочитать вот эти одиннадцать книг. Узнаешь все мудрости. А двенадцатую – чёрную с золотым обрезаем, видишь? – её трогать нельзя. Беда большая может случиться – навек останешься рыбой.

– А так разве не навек?

– Нет, конечно. Тут и есть секрет, который я тебе хотел открыть.

– Что за секрет?

– А вот какой: если тебя невзначай три человека, никому горя и зла не причинившие, пожалуют, – колдовство пропадёт.

Засел Кузька за волшебные книги. Одну изучил – год прошел, вторую – второй год. И так миновало одиннадцать лет.

А волшебник тем временем всё к Васюте сватается. И не может понять что с ней случилось: каким уж он красавцем ей представился, а она и слушать его не желает, все дружка своего пропавшего ждёт. И решил тогда волшебник обмануть девушку, принять Кузькин облик.

А озорник изучил одиннадцать книг, да и позабыл о наказе волшебника, принялся за двенадцатую – чёрную с золотым обрезаем.

Открыл он книгу, да и оторопел. Открылись ему все замыслы хозяина дворца.

– Что делать? – думает Кузька. – Как выручить Васюту, а негодяя этого наказать?»

Листает он, листает книгу. Дошёл до одной страницы, хочет перевернуть её – ан ничего не получается. Пригляделся Кузька к странице. Видит на чёрной бумаге золотыми буквами написано:

«А ЕСЛИ ЗАХОЧЕТ КТО ХОЗЯИНА ОЗЕРА ЛИШИТЬ ВОЛШЕБНОЙ СИЛЫ, ПУСТЬ СНИМЕТ С ЕГО ПРАВОЙ РУКИ ПЕРСТЕНЬ».

Захлопнул Кузька книгу, выплыл из каморки. Поджидает хозяина. Ну, тот долго ждать себя не заставил.

– Ну, как дела, Кузька? – спрашивает.

– Да что дела? Вот прочитал одиннадцать книг. Многому научился. Надо бы отметить окончание-то. Али, может, мне и двенадцатую прочесть?

– Что ты, что ты! – вскричал в испуге хозяин. – И думать даже не смей! Можешь таких бед наделать, что потом и не исправишь.

– Это уж точно. Так что же, попируем?

– Отчего же нет.

– Только мне подводные вина всё же не по душе. Вот у нас в деревне вино делают, так вино! Выпьешь шкалик, словно у печки погрелся.

– Не пробовал я такого, – говорит хозяин.

– Так зачем дело стало? Я мигом слетаю.

– Э! Нет! Хитришь! По глазам вижу, что хитришь. Лучше уж я сам.
Сплавал хозяин за вином, не преминул, конечно, и к Васюте заглянуть, да всё безрезультатно.

– Ну, ладно, – сказал он девушке. – Испытывал я тебя, красавица, верность твою проверял. Вижу, верна ты Кузьке. Жди его завтра.

Обрадованный вернулся он во дворец. Он же думал, что Кузька ничего не знает, а завтра Васюта станет его женой, а Кузьке и сказать нечего будет.

Сели они за стол. Кузька наливает по полному стакану. Сам только делает вид, что пьёт, а вино выливает. А хозяину земное вино пришлось по душе. Пьёт он и пьёт. А Кузька все подливает да подливает. Опьянел волшебник, да и свалился под стол. А Кузька подождал, пока он захрапит, потом снял с его правой руки черный перстень.

Через некоторое время проснулся волшебник. Пьян ещё выше мер. Смеётся над Кузькой.

– Эх, ты, – говорит. – Чудак. Потерял ты свою Васюту. Сегодня станет она моей женой.

– Да уж знаю, что ты решил прикинуться другим, мой образ принять хочешь.

– Откуда знаешь?! – с волшебника мигом слетел хмель. Взглянул он на руку, а на ней нет колдовского перстня.

– Отдай перстень! Слышишь, отдай!

– Дудки!

– Отдай! Превращу тебя в человека. Васюту не трону. Отдай, прошу.

– Ну нет! Хотел ты превратиться в Кузьму, а превратишься в рыбу!

– Стукнул Кузька по столу перстнем. Замахал руками волшебник, закричал, забился и стал большим чёрным тайменем. Прошли по дворцу волны, закружилась вода. Завертела Кузьку. Зажал он в кулаке перстень, зажмурил глаза. А когда открыл их – исчез и подводный дворец с золотыми фигурами, и кушанья, и одежды. Словно ничего и не было на дне озера. Только бьет хвостом по воде чёрный таймень да гоняется за неведомо откуда появившимися золотыми рыбками.

С тех пор и поселились в озере два тайменя. Один зелёный – Кузька, другой чёрный – бывший волшебник. Один любит поозоровать – подбросить рыбакам вместо улова какую-нибудь чепуху. А второй – сердитый – обгрызает крючки, рвет сети: боится в уху попасть.

Вот вам и весь сказ.

– А что потом с Кузькой стало?

– Вот этого уж никто не знает. Говорят, стал он волшебником. А правда это, нет ли – кто знает?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Более грустная, чем весёлая

Каждый день с аэропорта Внуково вылетают самолёты: простые, реактивные. Здесь начинаются пути, связывающие столицу с самыми дальними уголками страны и земного шара. От Северного полюса до Южного, от Владивостока до Бреста можно долететь отсюда за несколько часов.

Кого не встретишь поэтому в зале ожидания! Рядом с полярным капитаном примостился ленский золотоискатель; артист, спешащий на гастроли в Иркутск, или Читу, разговаривает с шахтёром из Сучанского угольного района; инженер с Красноярской ГЭС встретился с мастером штукатурки из юного города Ангарска.

Геологи, строители, старые партизаны, лесорубы... Да можно ли перечислить всех! И все торопятся, осаждают справочное бюро, злятся и нервничают, если погода нелетная, требуют от начальника порта принять меры.

Сегодня среди толпы пассажиров, стремящихся на восток, и провожающих можно было встретить и многих наших знакомых. Был здесь и полковник Логинов с женой и маленькой дочкой. Был и лейтенант Фомин и милиционер Степан Аванесов со своей невестой – сестрой Алёны-малёны. Профессор Верхомудров все еще вел ученый разговор с обоими стариками, а бабушка Варвара никуда не отпускала от себя Димку и Павлика. Старушка боялась, что они потеряются.

И вот в репродукторе раздался звонкий девичий голос. Он категорически предлагал пассажирам, летящим в Прибайкальск, занять места в самолете.

Мальчики заторопились на самолёт. Им было и весело и грустно. Весело, потому что через семь часов они будут дома, грустно, потому, что приходится расставаться с людьми, которых мальчики успели полюбить всей душой. Подумать только! Семь часов – и можно пожать руки ребятам, поговорить с Анатолием Петровичем, увидеть родителей.

Семь часов. А в поезде они провели почти шесть суток. А ещё раньше, лет сто назад, и железной дороги не было. Добирались люди в те края через сибирские метели и бураны на лошадях за два-три месяца.

Димка подумал о профессоре Верхомудрове. И показалось ему, что совсем не зря Лёня Фомин назвал его самым главным волшебником.

Друзья расцеловались с москвичами, бабушка Варвара всплакнула и посоветовала не открывать форточку.

Вихрь вырвался из камер сгорания, оторвал самолёт от земли и бросил в синее, на редкость для Москвы безоблачное небо.

– Ну вот, – хлопнул Лёню по плечу Василий Михайлович. – А ты говорил «фантастический роман». Видишь, всё оказалось значительно проще.

Лёня промолчал. Ему было грустно.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, которая обычно служит эпилогом и в которой волшебник перестаёт быть волшебником

Светло-шоколадная «Победа» Петра Николаевича Кашкина круто взлетела на перевалы, спускалась стремительно вниз. Култукский тракт – одна из самых красивых дорог страны – вгрызался в горы, скатывался в ущелья, петляя, извивался и вылетал к Байкалу у поселка Култук. Славное море сверху казалось иссиня-серым, подернутым лёгкой матовой дымкой. Чем ближе дорога подходила к Байкалу, тем меньше серого цвета становилось на его глади. Вода как бы впитывала в себя синеву неба, голубела у берега, густела, становилась тёмной и хмурой вдали.

Миновали Култук, посёлок, именем которого назвал один из самых коварных ветров на Байкале. Проехали Слюдянку, город, где добывают слюду, где огромные, тысячеметровой высоты горы состоят из чистого мрамора. Из грубообработанных мраморных глыб построен в этом городе вокзал.

Под вечер остановились в небольшой – дворов на пятьдесят – деревушке. Ночевать в деревне не стали, отъехали чуток в сторону к рыбацкому стану, и подошли к костру.

Рыбаки ушли в море, и только две женщины подбрасывали дрова в костёр, в

большом закопчённом котле варилась омулёвая уха.

Одна из женщин была совсем старой. Тёмное обветренное лицо её изрезали морщины, руки, немало переделавшие на своём веку, тряслись.

– Эй, Васюта! – говорила она той, что помоложе. – Ты бы гостей хоть омульком угостила. Чай, из города, стало быть, давно настоящего не пробовали. Омуль что, – обратилась она к Петру Никаноровичу, – омуль, он – рыба нежная. Пока довезёшь куда, али так полдня пролежал – уж и вкус другой. Нет, кто на Байкале не побывал, тот настоящего омуля не едал.

Та, которую старуха назвала Васютой, молча подошла к костру, большим острым ножом распластала жирную, чуть не на килограмм весом рыбину, проткнула её палочками – рожнами – и приспособила у огня.

Мальчики заметили, что палец на правой руке у неё перевязан, должно быть, порезала.

– Так у нас рыбаки только и едят его, – пояснила старуха. – На рожнах поджарится в собственном соку – за уши не оторвешь.

– Эй! Ходи! – раздалось с моря.

Это рыбаки закончили травить невод и направили баркас к берегу.

В ту же минуту лошадь, привязанная к круглому барабану, заходила. Барабан – вертушка – натянул канат, прикрепленный к неводу.

Через полчаса вернулись рыбаки. Пospела уха. За едой да за разговором позабыли о времени. Пётр Никанорович рассказывал городские новости, хозяева делились своими – деревенскими. А время шло. Поблёлки звёзды на небе, сгустилась темнота перед рассветом.

Дежурный подал сигнал: невод близко. И вот уже ухватились рыбаки крепкими руками своими за концы сети, упёрлись ногами в землю, тянут изо всех сил. Всё ближе невод к берегу. Всё беспокойнее над ним вода. Вот уже заколесила она, забила, выскакивая над водой, рыба. Притонили рыбаки улов, да и удивились сами: сроду такого не было. Бьётся в неводе, как живая ртуть, несколько центнеров омуля. А промеж омулей тяжело шевелится и бьёт хвостом огромный тёмный, отливающий зеленью таймень.

– Ну вот, – говорит Васюта, – добрая к утру будет уха. Такого тайменя на всю бригаду хватит.

– А может это Кузька? – шепотом спросил Паша и Димки.

– Ага! Может, и он.

– Жалко, понимаешь, ведь попадёт в уху – и конец.

И только сказал он это, как сверкнула зарница над Байкалом, гром прогремел. В Иркутске даже землетрясение зарегистрировали. Таймень подпрыгнул высоко вверх, упал на землю у самого костра. Лопнула от огня толстая рыба кожа. Не то пар, не то дым пошёл из того места, где лежал таймень. А когда развеялся дым – исчезла рыба. У костра стоял красивый кареглазый парень, высокий, широкоплечий, кучерявый.

– Васюта! – радостно закричал он.

Оторопевшая девушка взглянула на него, заплакала вдруг и побежала к парню.

– Кузьма! Дорогой, долгожданный!

Пока тянула Васюта вместе с рыбаками сеть, слетела тряпка, которой был обмотан палец. И теперь увидели все, что на пальце у девушки сверкает необыкновенной красоты, голубой, как Байкал в тихую погоду, перстень.

– Кузьма, – говорила Васюта, влюблённо глядя ему в глаза. – Что же ты так долго не шёл?

– Вот их благодари, – ответил Кузьма и показал на мальчиков. – Этот вот пожалел меня в образе старика, помог довести тележку. Девочка одна московская пожалела Кузьку из сказки. Ну, а в третий раз вот второй паренёк помог зелёному таймену, посочувствовал. А не то попал бы я в уху – и конец.

– А как же волшебная калоша? – спросил Димка.

– А что калоша? Она своё дело сделала.

– А можно с её помощью ребят снова превратить в видимых? – поторопился спросить Павел.

– Ничего с её помощью нельзя сделать. Теперь это просто калоша. И ничем она не отличается от тех, что продаются в магазине и за которые вам попадает от мам.

– А как же с ребятами и с усами Анатолия Петровича?

– Что о них волноваться? Раз калоша не волшебная, значит...

– Значит, они стали видимками!

И Димка с Пашей пустились в пляс.